

БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ЛИТВИНЕНКО

РОССИЯ

И МИРОВЫЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ

ХРОНИКИ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ»

Большая Игра (Вече)

Владимир Литвиненко

**Россия и мировые проекты
развития. Хроники Большой игры**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94
ББК 63.3(0)

Литвиненко В. А.

Россия и мировые проекты развития. Хроники Большой игры /
В. А. Литвиненко — «ВЕЧЕ», 2025 — (Большая Игра (Вече))

ISBN 978-5-4484-5282-6

Книга посвящена изучению феномена Большой Игры как инструмента глобального противостояния Русского и Западного проектов развития и его влияния на европейскую и мировую политику Нового и Новейшего времени, включая анализ скрытых механизмов, «запустивших» две мировых войны XX века. При этом возникновение и развитие Русского проекта как особого цивилизационного пути представлено в контексте столкновения с Западным глобальным проектом на всем протяжении мировой истории. Рассчитана как на специалистов — историков, философов, политологов, так и на широкий круг читателей.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4484-5282-6

© Литвиненко В. А., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Что защищает Россия во многовековой борьбе против совокупного Запада?	6
От автора	9
Раздел I. За кулисами мировых войн. Большая Игра как контекст конкуренции глобальных проектов развития	11
Вместо предисловия	11
Глава 1. Взаимоотношения Российской Империи с основными акторами процесса	16
1.1. Взаимоотношения Российской империи и Французской республики	19
1.2. Взаимоотношения с Германской империей	20
1.3. Взаимоотношения с Австро-Венгерской империей	21
1.4. Политические усилия Британской империи перед Первой мировой войной	24
1.5. Начало войны, или Кто кого подставил	30
1.6. Закулисные игры союзников по Антанте	32
Глава 2. 1917 год в истории России: трансформация глобальных проектов развития	38
2.1. Эволюция, революция, катастрофа: к вопросу о категориальном аппарате	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Литвиненко
Россия и мировые проекты
развития. Хроники Большой Игры

© Литвиненко В. А., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Что защищает Россия во многовековой борьбе против совокупного Запада?

Дорогой читатель!

В год 80-летия Великой Победы – победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. над нацистской Германией и милитаристской Японией, – которая сокрушила очаги мирового фашизма¹ в Европе и Азии и привела к окончанию Второй мировой войны, наверняка многие из нас будут задаваться вопросом о смысле и значении военных побед, одержанных нашими предками в 1945 г. В чём заключается всемирно-историческое значение Великой Победы, от чего спасли мировую цивилизацию советский народ-победитель и Российское государство, что они защищали и благодаря чему одержали величайшую победу над совокупным Западом?

С одной стороны, эти сложные и принципиально значимые вопросы не только российской, но и всемирной истории не являются новыми и имеют устоявшиеся ответы. С другой – для каждого нового поколения они требуют своего осмысления. К историческому опыту прошлых побед необходимо обращаться как к источнику знания и силы, находить в нём собственные точки опоры для движения вперёд.

В настоящее время интерес в российском обществе к истории, и не только отечественной, значительно возрос. Связано это со многими факторами, определяющим из которых являются усилия государства по защите традиционных ценностей. Этому в немалой степени способствовал принятый в России в 2020 г. Закон о поправках в Конституцию Российской Федерации. Некоторые поправки прямо направлены на защиту нашей истории. В частности, ст. 67 Основного закона Российской Федерации дополнена сразу двумя пунктами: п. 2. «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство»; и п. 3. «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»².

Также в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» были приняты указы Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³, от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ и от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»⁵.

Кроме того, в п. 19 новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» констатируется, что «на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств

---

¹ В предлагаемой книге автор осуждает нацизм и фашизм. Иллюстрации с нацистской и фашистской символикой приводятся исключительно в учебно-просветительских целях. – *Примеч. ред.*

² Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. 2020. М.: АСТ, 2020. С. 19–20.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. KREMLIN.RU. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Там же. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Там же. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>.

предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России». В п. 25 (7) и 26 (8) среди национальных интересов Российской Федерации и стратегических национальных приоритетов особо отмечаются укрепление, сохранение и защита «традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «культурного и исторического наследия народов России», а также «исторической памяти». А в п. 28 подчёркивается, что «российские духовно-нравственные идеалы и культурно нравственные ценности... лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны».

В п. 5. «Основ государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в ряду других традиционных ценностей названы патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, а в п. 14 и 17 (е, з) среди проявлений деструктивной идеологии, то есть чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, обозначены отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, распространение которых в числе прочих рисков влечёт за собой искажение исторической правды, разрушение исторической памяти, дискредитацию идеи служения Отечеству. Далее в п. 19 (е) и 24 (б) подчёркивается необходимость сохранения исторической памяти, противодействия попыткам фальсификации истории, сбережения исторического опыта формирования исторических ценностей и их влияния на российскую историю.

Наконец, «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» гласят:

«5. Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и её многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации.

6. В условиях роста международной напряженности и кризиса национальной идентичности, в основе которого лежат уничтожение исторической памяти, реабилитация и воскрешение неокOLONIALИЗМА, неOИМПЕРИАЛИЗМА и неOНАЦИЗМА, российское общество и государство сталкиваются с целым рядом явлений, несущих в себе риски и угрозы, к числу которых относятся:

а) недружественные действия иностранных государств, направленные на отрицание или преуменьшение исторического вклада России в развитие мировой цивилизации;

б) попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространение ложных представлений о России;

в) использование коллективным Западом фальсификации истории в качестве оружия в информационной войне, направленной на разрушение целостности российского общества и государства».

Нам действительно есть что защищать. Ведь сегодня история – это не только область научного знания и учебная дисциплина. Это ещё и поле боя, и театр военных действий. Нашей истории объявлена война, проиграть которую мы не имеем права. Все мы помним высказывание великого русского учёного М. В. Ломоносова: «*Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего*». Но для успешного противодействия деструктивным тенденциям, составляющим суть ментальной войны, ведущейся сегодня против России, историю мало просто

знать. Её нужно понимать, так как простого знания последовательности определённых событий явно недостаточно. Необходимо понимать природу этих событий, их предысторию, а также скрытые механизмы активации процессов, приведших к тем или иным событиям. Тогда мы сможем лучше понимать то, что происходит сегодня, и принимать обоснованные решения по защите настоящего и будущего России и мировой цивилизации. Ведь не зря поэт и историк Н. М. Карамзин ещё в 1797 г., подражая известному библейскому тексту⁶, сказал: *«Ничто не ново под луною: Что есть, то было, будет век»*.

Автор книги «Россия и мировые проекты развития. Хроники Большой Игры» предпринял попытку взглянуть на историю именно с точки зрения понимания не только событий прошлого, но и современных процессов. В ней использован нетипичный для исторического исследования проектный подход. В политологии он уже применяется достаточно широко, но в исторической науке взгляд на историю сквозь призму конкуренции глобальных проектов развития делает лишь первые шаги. В контексте проектного подхода рассматривает автор и феномен Большой Игры: не как отдельное, самодостаточное явление, а как элемент глобального проектного противостояния и многовековой инструмент борьбы совокупного Запада против России.

Отдельно раскрывается проблема зарождения фашизма в начале XX в. как одной из форм Западного проекта, анализируются его интеллектуальные и идейные истоки, причины возникновения, становления и генезиса, а также «укоренения» на германской почве и попытки возрождения в современном мире. Обращается автор и к эволюции понятия войны в техногенном обществе, в том числе в условиях превращения виртуальной реальности в театр военных действий.

Особое внимание уделено рассмотрению процесса становления и развития Русского глобального проекта на всём протяжении нашей истории. При этом каждую проектную трансформацию как переход от одного этапа развития к другому в рамках магистральной преемственности автор иллюстрирует конкретными историческими примерами, основанными на обширном фактологическом материале. Показана также роль исторической памяти как оружия гибридной войны на современном этапе миропроектной конкуренции.

Такой подход полностью соответствует положениям п. 3 (а) «Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где, в частности, говорится: «Историческое просвещение – регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества».

Эта книга особенно актуальна для понимания происходящих сегодня событий в России и в мире, включая обострения международной обстановки и вооружённых конфликтов в разных точках планеты. Уверен, что вдумчивый читатель, ищущий ответы на злободневные вопросы современности, откроет для себя много нового и интересного.

Кикнадзе Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент РАН, член научного совета Российского военно-исторического общества

---

⁶ «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас...» (Книга Екклесиаста, или Проводника, 1: 9–10). См.: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003.

От автора

О чем эта книга и для чего она написана?

Цель автора заключалась в том, чтобы показать смысл и логику исторического процесса, в котором наша страна на протяжении столетий играла ключевую роль, хотя и не всегда стремилась к этому. Но каждый раз, на каждом историческом повороте была вынуждена принимать навязанные ей правила чужой Игры – иногда для того, чтобы просто выжить.

Мы научились побеждать, хотя порой и терпели сокрушительные поражения. Мы научились давать адекватный ответ на исторические вызовы, выходя из каждого кризиса, а то и катастрофы окрепшими и обновленными. Сегодня перед нашей страной стоит очередной исторический вызов. Очередной виток Большой Игры почти готов перейти в «горячую фазу». Хватит ли у нас сил на адекватный ответ в этот раз? Где искать решение этой проблемы? Только в историческом прошлом, историческом опыте и исторической памяти. Что автор и попытался сделать.

Эта книга посвящена исследованию мировых войн XX в. сквозь призму Большой Игры, понимаемой как вид и способ борьбы за мировое лидерство и господство. Проанализированы основные виды глобальных проектов развития, их трансформация и преемственность в ходе мировой истории, экзистенциальный характер противоречий между ними. На основе исторических документов, высказываний ведущих политических деятелей и воспоминаний современников анализируется влияние феномена Большой Игры на европейскую и мировую политику в предвоенный и межвоенный периоды, на ход военных действий в Европе в 1914–1918 и в 1939–1945 гг.

Подробно исследуется начальный этап Второй мировой войны на западном театре военных действий, известный под названием «Странная война», в сравнении и сопоставлении с начальным периодом Великой Отечественной войны – одним из самых драматичных в новейшей российской истории. При этом 22 июня 1941 г. рассматривается как точка бифуркации всемирно-исторического процесса, обозначившая новый вектор его развития, а выстраивание отношений СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции – сквозь призму продолжающейся конкуренции Советского и Западного глобальных проектов.

Особое внимание уделено проблеме зарождения фашизма как одного из глобальных проектов мироустройства, его интеллектуальным и идейным истокам, причинам возникновения, становления и генезиса, а также «укоренения» одной из его форм – национал-социализма – на германской почве. Анализируется место фашистского проекта в ряду других глобальных проектов начала XX в. и в современной системе миропроектной конкуренции.

Рассматривается эволюция понятия войны в техногенном обществе, в условиях превращения виртуальной реальности в театр военных действий. Исследуются динамика исторических представлений человечества о «справедливой» и «несправедливой» войнах, влияние исторической памяти о военном прошлом на национально-государственную безопасность как определяющего фактора в формировании мобилизационного сознания общества, механизмы превращения ее в оружие борьбы глобальных проектов на современном этапе. Показана противоречивая роль международного гуманитарного права в соблюдении законов и обычаев войны применительно к разным сторонам и субъектам вооруженных конфликтов современности.

Завершающий раздел посвящен анализу Русского глобального проекта как неотъемлемой части всемирно-исторического процесса: от первой заявки на самостоятельную проектность и выхода на международную арену, через этапы столкновения с конкурирующим Западным проектом к формированию и становлению Русского имперского проекта в различных его проявлениях, включая Красный (Советский) проект XX в., и, наконец, к новому выбору пути развития, устремленному в будущее.

Все это – важные уроки для современной России.

В аннотации к книге «Большая Игра» публицист Михаил Леонтьев, рассматривая ситуацию, сложившуюся на международной арене к 2008 г., справедливо отмечал: «Большая Игра – название холодной войны XIX века. Большая Игра – холодная война замирает тогда, когда Россия, кажется, уже мертва и больше не поднимется. И возобновляется, когда Россия после очередной катастрофы все же поднимается. Сейчас говорят, что холодная война невозможна, и это действительно так: холодная война – удел равных. Для нее необходим паритет. Потому она и называется «холодной», что все в ней по правилам. Или хотя бы «по понятиям». Да, сейчас холодная война невозможна, потому что паритета не существует. Нет равных. На самом деле холодная война (Большая Игра) – это реальность геополитического противостояния. Там, где существуют глобальные игроки и глобальные интересы. Поэтому не надо бояться холодной войны – Большой Игры. Ее надо заслужить»⁷. С тех пор прошло семнадцать лет и мир кардинально изменился. И мы кардинально изменились. Россия вновь обрела свою субъектность и громко заявила о своих национальных интересах. И холодная война, она же Большая Игра, разгорелась с новой силой: к нам снова отнеслись серьезно. Мы ее заслужили!

---

⁷ Леонтьев М. Большая Игра. М.: АСТ; Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб., 2010. С. 2.

Раздел I. За кулисами мировых войн. Большая Игра как контекст конкуренции глобальных проектов развития

Вместо предисловия

Любой вооруженный конфликт, тем более глобальный, имеет свои первопричины. Некоторые лежат на поверхности и видны невооруженным взглядом. Они, как правило, вторичны и не имеют решающего значения. Бывает и так, что они вообще не имеют значения и изобретены уже *post factum*, дабы скрыть или завуалировать причины истинные, не подлежащие разглашению. Именно такие причины преподносятся общественному мнению как повод для начала конфликта. Именно они фиксируются в словарях и энциклопедиях, становятся общепринятыми, не подлежащими ревизии и анализу. Тем не менее анализ проводится и истинные причины того или иного явления вскрываются. Рано или поздно. Это не просто спор историков о трактовках и интерпретациях событий прошлого. Это борьба за будущее, и в этой борьбе эмоциональная составляющая, которая всегда в той или иной мере присутствует в исторических исследованиях, должна опираться на прочный фактологический фундамент. «История – отнюдь не абстрактная наука, объект ее изучения – прошлое человечества – напрямую затрагивает современные интересы народов и государств. А потому «борьба за прошлое», за то, как оно будет представлено в умах современников, как будет интерпретировано и оценено, в каких образах воплотится, нередко используется в современной политике как внутри стран, так и между государствами. Таким образом, историческая память всегда в той или иной степени была полем идейно-политической борьбы»⁸.

Вопросам исторической памяти в данной работе будет уделено самое пристальное внимание, но вначале необходимо разобраться в вещах, казалось бы, более прозаических.

Попытаемся ответить на вопрос: явились ли выстрелы, прозвучавшие в Сараеве 28 июня 1914 г., и инцидент в Глейвице 26 и 31 августа (было две попытки) 1939 г. причинами, реально послужившими началом двух мировых конфликтов, или следствиями тех процессов, которые были запущены ранее и неизбежно должны были привести именно к такому развитию событий?

Для ответа на этот на первый взгляд несложный вопрос необходимо разобраться в двух аспектах, связанных между собой опосредованно (опять-таки на первый взгляд).

Во-первых, следует определиться с инструментарием, при помощи которого станет возможным сам анализ данного вопроса. Во-вторых, проанализировать взаимоотношения основных акторов интересующего нас процесса с использованием выбранного инструментария. Почему это важно?

Начнем с очевидного. Череду сменяющих друг друга значимых исторических событий мы можем отследить только в том случае, если эти события возникли в результате взаимодействия исторических личностей, то есть больших общностей, обладающих субъектностью. Иными словами, народов, организованных в государства. Именно взаимодействие государств, в чем бы оно ни выражалось, является сутью и смыслом всемирно-исторического процесса. И уже сквозь призму этого взаимодействия мы можем в той или иной степени оценивать как деятельность отдельных социальных групп внутри какого-либо общества, так и возникновение

---

⁸ *Сенявский А. С.* Большая стратегическая «игра» накануне Второй мировой войны (политические реалии и историческая память) // Труды Института российской истории. Вып. 9. М., 2010. С. 9.

и развитие надгосударственных структур – империй или цивилизационных общностей (цивилизаций).

В изучении истории государства или государств, их места и роли в контексте всемирно-исторического процесса цивилизационный подход является одним из основных методов исследования. Такой подход характерен для Н. Я. Данилевского, который писал о цивилизации, что *«главное должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития»*⁹.

Известный английский социолог и историк А. Дж. Тойнби представлял цивилизацию как целостную общественную систему: *«Цивилизации – это целостности, части которых согласованы друг с другом и взаимозависимы... Все аспекты социальной жизни цивилизации, находящейся в стадии роста, скоординированы в единое социальное целое, где экономические, политические и культурные элементы согласованы в силу внутренней гармонии»*¹⁰.

Раскрытие истории России через ее взаимодействие с окружающим миром с позиций историко-культурологического подхода и теории цивилизаций представляется наиболее продуктивным.

Даже беглого взгляда на нашу историю достаточно, чтобы увидеть: Россия как нельзя лучше подходит под определение ее именно как цивилизации, хоть по Данилевскому, хоть по Тойнби. Тем более что Арнольд Джозеф Тойнби видел в России именно Русскую православную цивилизацию, прошедшую сложный путь многовекового развития, претерпевшую множество трансформаций, но не утратившую при этом своей самодостаточности и самобытности. Именно ему принадлежат слова, написанные в работе *«Цивилизация перед судом истории: Мир и Запад»*: *«Как под распрятием, так и под серпом и молотом, Россия все еще «Святая Русь», а Москва все еще «Третий Рим»*¹¹. Правда, справедливости ради следует заметить, что говорил он об этом с осуждением, сетуя на то, что Россия не желает занять подобающее место в западном мире и, скорее всего, продолжит строить свой антизападный контрмир. Мы честно попробовали. Чем закончилась наша попытка занять в западном мире «подобное место», сегодня уже понятно.

Однако цивилизационный подход имеет один существенный недостаток. Определений термина «цивилизация» более двухсот. Следовательно, такое же множество и путей исследования. Легко запутаться. При этом многие авторы, используя одну и ту же терминологию, часто говорят о совершенно разных вещах.

И здесь на помощь приходит **проектный взгляд на историю**. Определений проекта не так много, и они более конкретны. Например, С. Е. Кургинян определяет проект как *целевое мироустроительное намерение*¹². В более общем виде он рассматривает проект как *«замысел, сообразно которому создается общество определенного типа»*¹³. Здесь речь идет больше о субъективном проектировании, то есть об одном из важнейших аспектов мироустроительства, без которого само понятие проекта развития теряет смысл. Но нас в первую очередь интересует объективная сторона вопроса.

---

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 85.

¹⁰ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 34.

¹¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. [Пер. с англ.]. М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 174.

¹² Кургинян С. Е. Миропроектная конкуренция (Концептуально-аналитический доклад на конференции в Чандigarхе) // Вести. 2005. 24 ноября.

¹³ Кургинян С. Е. Политическое цунами. Миропроектная конкуренция и модели будущего // Обозреватель-Observer. 2011. № 10. С. 98.

М. Хазин рассматривает проект как идею. В частности, он говорит, что это «*наднациональная и надгосударственная идея, которая, в принципе, может стать базовой для определения системы ценностей любого человека на Земле*»¹⁴. Наиболее развернутую характеристику глобального проекта развития дает В. Б. Павленко. Согласно его трактовке, это «*система ценностей (идея), созданная совокупностью культурных, исторических, социальных, государственных и иных традиций доминирующей или претендующей на доминирование цивилизации (цивилизационной общности), воплощенная в системах смыслов (нормах) и распространяемая в материальной и духовной сферах посредством экспансии*»¹⁵.

На наш взгляд, ***глобальный проект развития – это система алгоритмов и поведенческих мотиваций, направленных на самореализацию исторической личности, то есть народа, посредством своего саморазвития.***

Это саморазвитие, то есть проект, имеет два контура: внутренний и внешний. Под внутренним контуром понимается путь становления исторической личности, от зарождения и сборки государства до современного состояния. Внешний контур подразумевает взаимодействие с другими историческими личностями. В данной работе мы отдадим должное каждому из этих направлений, так как, не уяснив особенности внутреннего развития и становления русской проектности, сложно разобраться во всех хитросплетениях внешнего взаимодействия с окружающим нас миром.

Рассматривая внешний контур глобального проекта развития, нельзя не упомянуть такой его элемент, как Большая Игра, которую нам навязала Британская империя, а впоследствии и весь совокупный Запад. Более подробно к этому вопросу мы еще вернемся, пока же примем его как факт. Но с одной важной поправкой: для нас это вовсе не игра. Мы не играем. Мы живем, а жизнь многограннее и сложнее любой, даже самой изощренной, игры. Но и сбрасывать со счетов факт ведущейся против нас Игры мы не имеем права. Слишком высоки ставки.

В данной работе мы будем опираться на оба этих подхода (цивилизационный и проектный), так как они, во-первых, не противоречат друг другу в базовых положениях и, во-вторых, дают возможность в необходимой степени опираться на все остальные, которых великое множество – от строго научных до мистических и эзотерических. Разумеется, наиболее одиозные и далекие от научных оснований теории не рассматриваются, но учитывать их наличие, особенно применительно к фашистскому проекту, приходится.

Рассматривая внутренний контур глобального проектирования применительно к России, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой роли личности в истории. Проблема не нова, ей посвящено множество исследований, начиная с Античности. Но исторические личности очень часто мифологизированы настолько, что порой сложно отделить собственно человека, правителя или государственного деятеля от его виртуального образа, созданного искусством или пропагандой. Зачастую – враждебной пропагандой. Здесь на помощь исследованию приходят не только первоисточники и свидетельства современников, что немаловажно, но недостаточно, так как и современники не всегда могли адекватно оценить масштаб деятельности тех, о ком выносили свои суждения, но и документальные свидетельства, фиксирующие результат. Только результат может быть критерием если не истины (ведь и его необходимо оценивать адекватно, что происходит далеко не всегда), то хотя бы более точного понимания происходящих процессов. Как в прошлом, так и в настоящем.

Рассматривая вопросы, связанные со Второй мировой войной, необходимо выяснить главное: была ли она продолжением первого глобального конфликта, или это самостоятельное явление? Сегодня их взаимосвязь практически не вызывает сомнений. Это почти общее

---

¹⁴ Хазин М. Л. О глобальных проектах. Доклад, прочитанный М. Хазинным в феврале 2005 года на конференции, организованной Вятским социально-экономическим институтом в г. Кирове (Вятке) // Мировой кризис – хроника и комментарии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/132450>.

¹⁵ Павленко В. Б. Глобальные проекты: теория и практика. Исторический и современный аспекты. М.: Б. и., 2007. С. 4–5.

место в рассуждениях, не требующее доказательств. Но не так давно подобное утверждение отнюдь не являлось бесспорным и серьезно оспаривалось в научном дискурсе. Попытаемся немного прояснить данный вопрос на примере предыстории Первой мировой войны, дабы впоследствии обнаружить сходные черты в подготовке и разворачивании второй мировой трагедии, либо не обнаружить таких черт. Это представляется тем более важным, потому что мир сегодня стоит на пороге третьего глобального конфликта. Собственно говоря, Третья мировая война уже идет, просто она не такая, как две предшествующие. Является ли она продолжением Второй мировой войны? Вопрос вовсе не праздный. Но сначала разберемся с двумя предыдущими. Попытаемся взглянуть на проблему с точки зрения взаимоотношений основных акторов процесса. Эти взаимоотношения также в значительной степени были мифологизированы, поэтому для освещения некоторых из них потребовалась точность «телетайпной ленты». Это, в частности, касается событий, связанных с так называемым «Балканским узлом», послужившим спусковым крючком к началу Первой мировой войны, и ряда других, имеющих ключевое значение для развития последующих событий нашей и мировой истории. Отсюда обилие цитирования первоисточников в освещении некоторых эпизодов, так как для их понимания важна каждая деталь, на первый взгляд незначительная или даже случайная. Но при рассмотрении дальнейших событий в их динамике становится ясно, что никаких случайностей не было, что это необходимый элемент мозаики, складывающейся в общую картину, без которого она не будет выглядеть законченной и полной.

Для начала определимся с терминами. Что такое «мировая война»? Обратимся к военно-энциклопедическим изданиям, сначала к более ранним, а затем и к современным.

«Мировая война – это противоборство коалиций (союзов, блоков) государств, охватывающее большую часть стран мира. М. в. порождаются империализмом, преследующим крупные политические, экономические и военные цели, с использованием всех форм борьбы – вооруженной, политической, экономической, дипломатической и идеологической. Характер М. в. определяется целями воюющих государств. 1-я и 2-я мировые войны принесли человечеству гибель десятков миллионов людей, огромные разрушения. Империализм, виновник этих войн, готовит ныне третью М. в. В случае ее развязывания это будет война двух противоположных социальных систем. Она будет отличаться бескомпромиссностью и решительностью целей, истребительностью используемых средств вооруженной борьбы. Мировая ядерная война создаст угрозу существованию человеческой цивилизации. Борьбу за предотвращение М. в. КПСС, Советское правительство считают своей важнейшей задачей»¹⁶.

Современные трактовки в основном перекликаются с вышеизложенной, за исключением идеологической составляющей. Так, в Военном энциклопедическом словаре, изданном уже в XXI в., приводится следующее определение: *«Мировая война – форма разрешения международных противоречий глобального характера и масштаба с применением военного насилия. Ее сущность составляет вопрос о политико-правовом устройстве мира и общей линии развития, а в конечном счете – о будущем человеческой цивилизации. Признаками, позволяющими квалифицировать военное столкновение как мировую войну, являются: противоборство крупных коалиций государств; охват значительной части стран мира при непосредственном участии практически всех великих держав; решительность политических и экономических целей противоборствующих сторон; ведение военных действий на огромной территории, охватывающей многие ТВД на различных континентах и в акваториях Мирового океана; масштабность и интенсивность стратегических операций, операций и других боевых действий при максимальном использовании оружия и военной техники большой разрушительной мощи. Преодоление*

¹⁶ Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988. С. 161.

холодной войны, порожденной идеологическим противостоянием двух социально-экономических систем, значительно снизили угрозу мировой войны, как ядерной, так и обычной»¹⁷.

В Советской военной энциклопедии¹⁸ и в Военной энциклопедии¹⁹ сказано практически то же самое, но более развернуто. Нет смысла цитировать их все. Тем не менее первые выводы сделать можно.

Во всех изданиях речь идет о мировой войне как о форме разрешения международных противоречий глобального характера, политическом переустройстве мира, сферах влияния и т. д. С этой точки зрения, взаимосвязь Первой и Второй мировых войн действительно не вполне очевидна. Цели и задачи Первой мировой войны достигнуты, закреплены Версальскими соглашениями, созданием Лиги Наций. А потом накопились новые противоречия, вот их и разрешали на полях сражений уже Второй мировой войны.

Но именно Вторая мировая война показала, что цели и задачи любого глобального конфликта несколько шире и глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Его истинная цель – полное переформатирование всего мироустройства и создание нового мирового порядка, основанного на совершенно иных принципах и ценностях. В конечном счете фашистский проект был активирован именно для этого. Очевидно, что, с этой точки зрения, первый глобальный конфликт свою задачу не выполнил. Потребовался второй акт всемирной драмы.

Однако вернемся к истокам Первой мировой войны и попытаемся взглянуть на проблему, как уже говорилось выше, сквозь призму взаимоотношений основных акторов процесса.

---

¹⁷ Военный энциклопедический словарь. М.: ОНИКС 21 век, 2002. С. 791. См. также: Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007. С. 428.

¹⁸ Мировая война // Советская военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1978. Т. 5. С. 323–324.

¹⁹ Мировая война // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 160–161.

Глава 1. Взаимоотношения Российской Империи с основными акторами процесса

Взаимоотношения России с нашими «западными партнерами» были весьма непростыми на протяжении всей нашей истории. Двусмысленность, двойные стандарты, а то и откровенная враждебность стали едва ли не нормой. Положение дел не менялось даже тогда, когда мы, в силу тех или иных обстоятельств, были союзниками. Наиболее наглядно это прослеживается на примере двух мировых войн. Несмотря на то что основным противником России на поле боя в двух глобальных конфликтах выступила Германия, отношения с партнерами по Антанте также были далеки от союзнических в полном смысле этого слова. То же самое можно сказать и о наших партнерах по антигитлеровской коалиции. Но для полноты картины необходим более обстоятельный экскурс в историю.

Как ни странно, но Россия в европейские дела особо не вмешивалась, за исключением тех случаев, когда это непосредственно касалось наших интересов, либо в результате прямого обращения на высшем уровне и выполнение союзнического долга, будь то Семилетняя война с Пруссией при Елизавете Петровне, суворовский поход в Италию при Павле I, Заграничные походы Александра I в период Наполеоновских войн, поход русских войск в Венгрию во времена Николая I или демонстрация флага на Адриатике во времена Александра II (совместно с Францией). Причем во всех случаях нашего участия в европейских делах Россия свято придерживалась взятых на себя обязательств и, казалось бы, вполне могла рассчитывать на взаимность. Однако по отношению к ней «уважаемые партнеры» практически всегда поступали не так, как подобает союзникам. В качестве примера можно привести Карловицкий конгресс 1698 г., когда союзники (Австрия, Венеция, Речь Посполитая) при посредничестве Англии и Голландии предали Россию в угоду своим интересам²⁰. Любое деяние России, особенно спроецированное на Европу, неважно, в каком контексте, воспринималось как непосредственная угроза «цивилизованному миру» со стороны «варваров». Наиболее наглядной иллюстрацией к данному утверждению может послужить участие русских войск в подавлении революции в Австро-Венгерской империи в 1848–1849 гг.

Австрийское правительство буквально умоляло Николая I о помощи еще в начале восстания, но государь колебался. Однако, когда дела стали совсем плохи, 21 мая 1849 г. Россия пошла на подписание с Австрией Варшавского договора. «По отношению к Западной Европе основным принципом политики Николая I была борьба с революционным духом, заставлявшим Россию, по словам графа Нессельроде, *«поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать ее там, где открыто на нее нападают»*²¹. Экспедиционный корпус фельдмаршала И. Ф. Паскевича решил эту проблему. В благодарность за спасение Австрийской монархии Николай I получил ярлык «жандарма Европы» и, мягко говоря, странную, если не сказать враждебную позицию Австрии во время Крымской войны.

Список «обид» можно продолжить до бесконечности, но гораздо продуктивнее сосредоточиться на выяснении причин, породивших подобное отношение к России. Пожалуй, лучше всех в этом преуспел великий русский мыслитель Н. А. Бердяев: *«После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, Московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ – единственный носитель православной веры. Инок*

---

²⁰ Карловицкий конгресс 1698 // Дипломатический словарь. В 3 т. / Под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. М. Хвостова. М.: Политиздат, 1971–1973. Т. 2. М., 1971. С. 29.

²¹ Николай I и Николай II (имп. Всероссийские) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 т. СПб., 1890–1907. Т. XXI (21/41). СПб., 1897. С. 123.

Филофей был выразителем учения о Москве как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III²²: «Третьего нового Рима – державного твоего царствования – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется»... Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования Московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры»²³.

Но если Василий III принял данную доктрину к сведению, то его сын, Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, воспринял ее буквально, о чем свидетельствует вся история его царствования. Чего стоит один факт венчания на царствие по византийскому обряду! Европа потратила столько сил и энергии на устранение Византийской империи с исторической сцены, и тут на тебе! Новая православная империя, да еще какая! С мессианскими замашками! Достаточно ознакомиться с посланиями Ивана Грозного, в частности со Вторым посланием шведскому королю Иоганну III, где он просто учит его, «как Государю поступать должно»²⁴, чтобы понять: к своей миссии русский царь относился весьма серьезно. «На твою грамоту, пересланную через пленника, и лай, который в этой грамоте, мы дадим отповедь позже. А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному чести нашего высокого величества, посылаем тебе подлинную отповедь со смирением... Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего – это неприлично, ибо нам брат – цесарь римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честию ниже этих государств, как будет доказано впереди. Если ты говоришь, что Шведская земля вотчина отца твоего, то ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего звали, и был ли твой дед на королевстве, и с какими царями он был в братстве и в дружбе, укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем»²⁵. Кому из европейских правителей могло такое понравиться? Недвусмысленные намеки на их «худородность», «уроки вежливости и приличия» по отношению к «старшим»... Какой еще «Третий Рим»? Неправильно это было, по мнению «цивилизованной» Европы. И эту «неправильность» стремились исправить всеми силами. И шведскими, и польскими, и многими другими. Но не вышло.

Еще больше усугубил ситуацию Петр I, преобразовав своими реформами Московское царство в Российскую империю. Поначалу, глядя на потуги молодого русского царя, в европейских столицах иронично посмеивались. Но после Полтавы и Гангута стало не смешно. И уж совсем не до смеха стало, когда русские войска промаршировали по улицам Берлина во время Семилетней войны. Триумфальное же вхождение в Париж императора Александра I во главе русской армии повергло «цивилизованное сообщество» в состоянии шока.

До Крымской войны территория и огромная сухопутная армия делали Россию единственной сверхдержавой в Европе²⁶. Однако и сам ход той войны и, главное, ее послед-

²² Так у Н. А. Бердяева. На самом деле послание было адресовано великому князю Василию III.

²³ Введение. Русская религиозная идея и русское государство // Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 5.

²⁴ Послания Ивана Грозного. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 153.

²⁵ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951. С. 153. См. также: Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. Послания Ивана Грозного. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года (Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Я. С. Лурье). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=91117>.

²⁶ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009. С. 38.

ствия ясно показали, что этих параметров сверхдержавности уже недостаточно. Западная цивилизация выработала иные критерии. «Статус державы все в большей степени определяется культурным и экономическим потенциалом, образованностью населения и его самодисциплиной, эффективностью рационально организованной системой управления, продовольственным положением, наличием развитого врачебно-санитарного контроля, транспортной инфраструктуры и, наконец, определенным уровнем политического свободомыслия»²⁷. Если с культурным и экономическим потенциалом (по крайней мере с нашей точки зрения) было более или менее благополучно, то все остальное оказалось, мягко говоря, не про нас.

Разумеется, с мнением России считались, особенно во время правления Александра III. Но сам факт того, что необходимо считаться с мнением «варварской» страны, вызывал на Западе раздражение едва ли не большее, чем стремление Российской империи двигаться «прежним курсом», невзирая на стремительно меняющийся облик мира. А мир действительно менялся стремительно и далеко не в лучшую сторону. Венская система, созданная европейскими державами вместе с Россией после победы над Наполеоном I, рушилась, уступая место эпохе «вооруженного перемирия».

Запад активно взялся за вытеснение России из европейского политического пространства и подавление ее притязаний на роль защитника христианских ценностей и опоры равновесных межгосударственных отношений. Усилилось воздействие Запада на движение национальных меньшинств на окраинах Российской империи с поддержкой попыток их обособления²⁸. По мнению К. Леонтьева, наступил час выбора между вхождением в европейское сообщество (участие в «европейском концерте») путем территориальных уступок и культурной ассимиляции и отстаиванием своей отдельности, своего особого политико-географического пространства, исторически сложившегося этнокультурного образования²⁹. Уступать мы ничего не собирались, равно как и ассимилироваться, несмотря на то что часть правящей элиты и поддерживающие ее европейски ориентированные сословия тяготели именно к этому. Однако верх одержали представители «конфронтационного мышления», сводившегося к постулату, сформулированному тем же К. Леонтьевым еще в 1875 г.: «...Меньше думать о благе и больше о силе. Будет сила, будет и кое-какое благо, возможно»³⁰.

Таким образом, с момента начала демонтажа Венской системы вся европейская политика принимает ярко выраженный антирусский характер. Мир уже поделен между великими державами. Его передел предполагал совершенно иные правила игры, к которым Россия оказалась не готова. К традиционному и почти привычному противостоянию Российской империи с другими европейскими державами, в первую очередь с Англией, в геополитической плоскости добавился новый аспект – цивилизационный.

Тем временем на самом Западе дела шли далеко не блестяще. После бурного промышленного роста 1860-х гг. начинается полоса нестабильности. В 1873 г. в Германии и Австро-Венгрии небывалый хозяйственный подъем привел к такому же невиданному кризису. Кризис захватил и США, а в 1877–1878 гг. перекинулся на Англию. Только в 1879–1881 гг. обозначился слабый и короткий подъем; за ним уже в 1881–1882 гг. последовал новый кризис; затем наступила необычайно длительная по тем временам депрессия, продолжавшаяся до 1889 г.³¹

Россия же владела неприлично большими ресурсами, включая территории, которыми, по мнению промышленно-финансовых и политических кругов Запада, не могла эффективно распорядиться. Стремление же России к приобретению новых территорий и сфер влияния

---

²⁷ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 38.

²⁸ Дагоев В. В. О роли императива безопасности в русской истории // Россия XXI век. 2003. № 4. С. 35–37.

²⁹ Цит. по: Мальков В. Л. Указ. соч. С. 39.

³⁰ Там же. С. 40.

³¹ История дипломатии. В 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. М.: ОГИЗ – Политиздат, 1941–1945. Т. 2. М., 1945. С. 59.

вообще выходило за рамки здравого смысла в европейском понимании. То обстоятельство, что Российская империя не вела захватнических войн, а новые территории добровольно соглашались войти в ее состав в силу тех или иных обстоятельств, в расчет не принималось.

Особенно сильно Запад нервировала наша закрытость. Россия ревностно защищала внутренний рынок от чрезмерного иностранного влияния. Это вовсе не означало, что присутствие иностранного капитала в русской экономике не наблюдалось вовсе. Но это было не то, чего желали наши «западные партнеры».

Разумеется, общий для ведущих европейских держав антироссийский лейтмотив внешней политики вовсе не отменял острейших противоречий и между ними, что заставляло их искать нашей поддержки в том или ином вопросе, идти на союзы и альянсы. В связи с этим обстоятельством будет полезно рассмотреть взаимоотношения Российской империи с ведущими игроками на европейской политической сцене. Поскольку эта тема достаточно обширная, остановимся только на ключевых моментах.

Начнем с Франции.

1.1. Взаимоотношения Российской империи и Французской республики

Эти отношения начали складываться практически сразу после окончания Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Ослабленная и униженная Франция искала помощи и поддержки против сильного противника. Опасаясь новой германской агрессии и стремясь преодолеть свою внешнеполитическую изоляцию, она прилагала все усилия к тому, чтобы завоевать доверие и расположение России³². Вот лишь некоторые примеры: «Спровоцированные бисмарковской Германией дипломатические конфликты 1873 и 1874 гг. с Францией побудили французское правительство прямо обратиться к России с просьбой о поддержке и помощи в предотвращении германской агрессии. Русское правительство оказало Франции существенную дипломатическую поддержку... В наиболее ясной форме роль России как главного препятствия германской агрессии против Франции обнаружилась во время т. н. военной тревоги 1875 г., когда энергичное вмешательство России заставило Германию отступить и отказаться от плана нападения на Францию»³³. И далее: «В 1876 г. потерпели неудачу попытки Бисмарка добиться от России гарантирования Эльзас – Лотарингии в обмен на безоговорочную поддержку Германией русской политики на Востоке. В 1877 г., во время спровоцированной Бисмарком новой франко-германской тревоги, Россия также сохранила дружественную Франции позицию»³⁴.

Таким образом, в самую критическую для Франции пору Россия, не принимая на себя никаких формальных обязательств, тем не менее выступила главнейшим фактором в решении проблемы безопасности Франции. Однако уже «накануне и во время *Берлинского конгресса 1878 г.* французская дипломатия, руководимая Ваддингтоном, ориентируясь на сближение с Англией и Германией, заняла враждебную России позицию»³⁵.

Даже полноценный военно-политический союз с Францией, окончательно оформившийся в 1893 г., не избавил Россию от печальной необходимости самой решать возникшую на Дальнем Востоке проблему. Франция в это время предпочла заниматься своими делами. Данная политика по отношению к России оставалась неизменной вплоть до 1917 г.

---

³² Русско-французский союз // Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 3. М., 1973. С. 92.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

1.2. Взаимоотношения с Германской империей

В свете рассматриваемой проблемы большой интерес представляют наши взаимоотношения с Германской империей. Существует устойчивый миф, будто бы отношения между двумя монархиями до определенного момента были весьма безоблачны и что, воздержись мы от безоговорочной поддержки Франции против германских притязаний, все могло обернуться иначе. Увы, это всего лишь миф. Германская политика в отношении России была до предела прагматичной, и эта прагматика была отнюдь не в нашу пользу. На первый взгляд наши интересы никак не пересекались с интересами Германской империи. Не то что у Англии и Франции. Но опять же только на первый взгляд. На самом деле противоречий, как прямых, так и косвенных, было более чем достаточно. Начнем с прямых.

«Во второй половине XIX в. торговые отношения между Россией и Германией регулировались торговым договором, заключенным между Россией и Германским таможенным союзом в 1867 г. Быстрая индустриализация Германии привела к увеличению экспорта ее промышленных изделий в Россию. В 1877 г. германский ввоз составлял 46 % русского импорта. Стремясь оградить промышленность от иностранной конкуренции, русское правительство стало систематически повышать таможенные пошлины на промышленные товары, особенно на ввозимые через сухопутную границу (т. е. из Германии). В результате к концу 80-х гг. доля Германии в русском импорте упала до 27 %. Со своей стороны Германия в 1879 г. ввела пошлины на хлеб, которые в дальнейшем подверглись новым повышениям. Кроме того, были предприняты другие меры, направленные на стеснение импорта из России. В 1891 г. между Россией и Германией начались переговоры о заключении торгового договора, причем Германия добивалась снижения русских пошлин на фабрикаты, а Россия – германских пошлин на хлеб, лес и т. д... В начале 1892 г. русским министром финансов стал С. Ю. Витте, который взял в свои руки ведение переговоров с Германией. Будучи сторонником протекционизма, способствовавшего развитию русской промышленности, Витте занял в переговорах с представителями Германии довольно твердую позицию»³⁶.

Разразившаяся торговая война между Россией и Германией продолжалась вплоть до 1894 г. заключением Российско-германского торгового договора сроком на 10 лет. Однако в 1902 г., за два года до истечения срока договора, Германия вновь резко повышает ввозные пошлины на сырье и продовольствие. Новый договор 1904 г., учитывая стесненное положение России из-за конфликта на Дальнем Востоке, которое, естественно, было немедленно использовано Германией для нажима на Россию, был заключен на германских условиях.

Прямых столкновений интересов за пределами метрополий у России и Германии действительно практически не было. Но вот подступы к зонам германских интересов пролегли через территории, на которые Российская империя претендовала традиционно. Речь идет о Персии, Балканах и зоне Черноморских проливов. Прямого доступа к этим территориям у Германии не было, но его обеспечивала Австро-Венгрия, союзница Германии, а с ней у России противоречия были, да еще и какие!

Пожалуй, отдельного упоминания заслуживает Берлинский конгресс 1878 г. О нем уже говорилось применительно к позиции Франции. Но если французская позиция заключалась в ее полном отсутствии, то с Германией все обстояло иначе.

Официально инициатором конгресса был министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Дьюла Андраши де Чиксенткирали и Краснахорка. Разумеется, истинными авторами про-

---

³⁶ Русско-германские торговые договоры 1894 и 1904 // Дипломатический словарь. В 2 т. / Под ред. А. Я. Вышинского и С. А. Лозовского. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1948–1950. Т. 2.

песса были англичане, желавшие пересмотра положений Сан-Стефанского договора и лишения России если не всех плодов победы, то большинства из них.

Сан-Стефанский договор расширял территорию Болгарии по сравнению с границами, намеченными Константинопольской конференцией; болгарам передавалась значительная часть Эгейского побережья. При этом турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. Для покровительницы турок – английской дипломатии – такое положение представлялось неприемлемым³⁷. Австро-Венгрию также не устраивало усиление роли России на Балканах. Но вернемся к Германии.

Бисмарк произнес знаменитую речь, в которой заявил, что в «восточном вопросе» он не более как «честный маклер»: его задача – поскорее привести дело к концу. Таким образом, Бисмарк публично устранился от активной поддержки русского правительства. Все же русская дипломатия еще раз попыталась заручиться такой поддержкой. Она помнила, как тот же Бисмарк усиленно подстрекал русское правительство начать войну против Турции. Но оказалось, что канцлер успел превратиться в миротворца. Теперь он «советовал» России «в интересах мира» согласиться на созыв конгресса. Очевидно, Бисмарк рассчитывал, что германская дипломатия сумеет кое-что заработать в этом международном ареопаге. Русскому правительству не оставалось ничего другого, как примириться с такой необходимостью³⁸.

Князь А. М. Горчаков в записке на высочайшее имя заметил: «*Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере*». Царь приписал на полях: «*И в моей тоже*»³⁹. По результатам конгресса Германия, не получив видимых преференций, добилась главного – ослабления России и усиления своего союзника – Австро-Венгерской империи.

1.3. Взаимоотношения с Австро-Венгерской империей

О Берлинском конгрессе мы уже упоминали. Роль Австро-Венгерской империи в нем более чем очевидна. Остановимся на других, не менее значимых моментах. Противоречий у России и Австро-Венгрии было немало, но основным камнем преткновения были Балканы.

В 1897 г. между Россией и Австро-Венгрией было заключено некое соглашение о сохранении status quo на Балканах. Оно было оформлено в виде обмена письмами между министрами иностранных дел Муравьевым и Голуховским в период с 8 по 17 мая. Складывалась довольно любопытная ситуация. Два государства, ни на грош ломаный не доверяющие друг другу, решили договориться. Обратимся к источникам: «*Заключение соглашения было вызвано тем, что Австро-Венгрия испытывала в то время серьезные внутренние затруднения в связи с обострением национальных противоречий. Россия же, занятая на Дальнем Востоке, не могла активно вмешаться в балканские дела и предпочитала, по выражению Голуховского, «поставить Балканы под стеклянный колпак»*⁴⁰.

«*Оба министра обязывались поддерживать status quo на Балканах и объявляли, что Россия и Австрия твердо решили заставить все другие державы уважать этот принцип. Вместе с тем было условлено, что в случае невозможности сохранения status quo на Балканах обе стороны заключат позднее специальное соглашение, учитывающее обоюдные интересы. Намечая основы будущего соглашения, Австро-Венгрия требовала для себя права заменить в отноше-*

---

³⁷ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 45.

³⁸ Там же. С. 46.

³⁹ Берлинский конгресс // История. РФ. Главный исторический портал страны. URL: <https://histrf.ru/read/articles/bierlinskii-konghriess-event?ysclid=ld1nl7vqkx731219975>; Боханов А. Н., Горин М. М. История России с начала XVIII до конца XIX века. М.: АСТ, 2001. URL: <https://oldevrasia.ru/library/Istoriya-Rossii-s-nachala-XVIII-do-kontsa-XIX-veka-/105>.

⁴⁰ Русско-австрийские соглашения // Дипломатический словарь. В 2 т. Т. 2.

нии Боснии, Герцеговины и Нового Базара титул оккупации... титулом аннексия. Муравьев в ответной ноте отверг эти пункты Австрийской программы»⁴¹.

Что же произошло на самом деле? Австро-Венгерская империя испытывала серьезные внутренние проблемы, грозившие распадом государства. Россия также находилась в нестабильном состоянии из-за внешних проблем, которые вскоре спровоцировали и проблемы внутри. Бакланы же были постоянной точкой напряженности, так как и Россия, и Австро-Венгрия считали эту территорию зоной своих жизненно важных интересов. На прямое столкновение ни одна из сторон готова не была. Приходилось договариваться, несмотря на взаимную неприязнь. Но в этом процессе принимали участие и другие игроки. Одни явные, как, например, Германия, заявлявшая о своей безоговорочной поддержке Австро-Венгрии, так и неявные, например Англия, без участия которой, прямого или косвенного, вообще ничего не происходило; Франция, мечтавшая о реванше за поражение во Франко-прусской войне и увидевшая в назревающем Балканском кризисе неплохой шанс поправить свои дела. Была еще и Турция, выступившая катализатором данного процесса. *«Внутренний кризис Османской империи привел к Младотурецкой революции, после чего опять встал вопрос о положении Турции в Европе»*⁴².

Россия и Австро-Венгрия также увидели в этом шанс. Каждая из сторон – свой, вот и решили договориться. Но, как уже было сказано, игроков было много. То, что внутренние проблемы в Австро-Венгрии, России и Турции мастерски подогревались извне, даже доказывать нет нужды. Кроме того, Англия тоже давно и с большим аппетитом поглядывала на Балканы. Но соваться в это «осиное гнездо» самостоятельно... Зачем? Победа младотурецкой революции 1908 г. произошла не сама по себе. *«Великим визирем стал англофил Киамиль-паша. То была победа Англии»*⁴³. России, еще не оправившейся от последствий не самой удачной в нашей истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг., было не до демаршей на внешнеполитической арене. Вот тут и открылось окно возможностей. Австро-Венгрия, зная о безоговорочной поддержке Германией, решила действовать, не оглядываясь на договоренности с Россией.

Когда именно в коридорах власти Австро-Венгерской империи родилась мысль о том, что *«они должны применить силу против Сербии, чтобы предотвратить падение Габсбургской монархии»*⁴⁴, сказать трудно. Но, зародившись, эта мысль стала укрепляться. Секретом эта позиция ни для кого не являлась. А тут и шанс ее реализовать подвернулся очень кстати. Босния и Герцеговина – отличный плацдарм для этой цели. Вот только нужно было все оформить. Попытки удержать ситуацию под контролем, то есть пресловутый *status quo*, предпринимались вплоть до 1907 г. Ситуация тем временем продолжала накаляться. Македония, мягко говоря, не приветствовала австрийскую оккупацию, как бы та ни называлась.

*«Осложнением положения на Балканах воспользовалась Англия. В июле 1907 г. лорд Грей публично выразил сожаление, что программа реформ в Македонии, выдвинутая в 1903 г. лордом Лендсдауном, отвергнута державами»*⁴⁵. Речь идет о серьезных волнениях в Македонии 1902–1903 гг. Ни России, ни Австро-Венгрии взрыв «Балканского котла» был не нужен. Других проблем хватало. Именно тогда появилось на свет Мюрцштегское соглашение 1903 г. между Австро-Венгрией и Россией о проведении реформ в Македонии. Англия выдвинула достаточно радикальный план реформ, предложенный лордом Лендсдауном. Македонию бук-

---

⁴¹ Русско-австрийские соглашения // Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 3. М., 1973. С. 74.

⁴² Джолл Д. Истоки Первой мировой войны / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 104.

⁴³ Цит. по: История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 189.

⁴⁴ Джолл Д. Указ. соч. С. 105.

⁴⁵ Русско-австрийские соглашения // Дипломатический словарь. В 2 т. Т. 2.

вально наводнили иностранные эмиссары и чиновники. Естественно, это никак не способствовало улучшению ситуации.

«Это заявление (лорда Грея. – В.Л.) встревожило правительства России и Австро-Венгрии, министры иностранных дел которых Извольский и Эренталь 28.IX.1907 выработали соглашение, сводившееся к следующему: 1) Македония должна быть умиротворена; 2) выполнение мюнцихтегской программы должно быть продлено до 1914 г.; 3) с этой целью Турция должна продлить полномочия европейских военных и гражданских чинов в Македонии еще на 7 лет»⁴⁶. Что, собственно говоря, и требовалось доказать.

После победы младотурецкой революции в 1908 г. международная ситуация изменилась коренным образом. *«...В январе 1908 г. Австро-Венгрия получила от Турции право на постройку железной дороги от Сараево через санджак Новый Базар и Македонию с выходом на Салоники. Тем самым была взорвана вся непрочная система австро-русского сотрудничества на Балканах»⁴⁷. То есть Россия была больше не нужна. Австро-Венгрия получила свою часть добычи, Германия была удовлетворена тем, что ситуация в Австро-Венгрии несколько стабилизировалась, Англия укрепила свое теневое влияние в регионе, формально оставаясь в стороне. Россия не получила ничего, кроме туманных обещаний о пересмотре режима Пролетариата. Когда-нибудь...*

Отношения между двумя странами обострились настолько, что 17 марта в Петербурге в Совете министров был поставлен на обсуждение вопрос о возможности войны. Потребовался даже демарш начальника германского Генштаба. Германия ставила в известность Австро-Венгрию, что, если Россия объявит мобилизацию, Германия сделает то же самое⁴⁸.

На самом деле кайзер Вильгельм, узнав об аннексии из газет, был раздражен действиями Австро-Венгрии не меньше, чем Николай II, если не больше. Тем не менее союзнический долг Германия собиралась выполнить. Причин тому много. Одна из основных, а может, и основная причина заключалась в том, что Германия крайне опасалась распада Австро-Венгерской империи, который, учитывая ее внутривосточное положение, был весьма вероятен. Да и внешних причин было предостаточно. В этом случае, полагали в Германии, собственно Австрия неизбежно войдет в состав Германской империи. По этому поводу еще в 1906 г. канцлер Германской империи князь Бернгард Генрих Карл Мартин фон Бюлов писал своим представителям за границей: *«Мы таким образом получим возрастание населения на 15 млн католиков, и тогда протестанты окажутся в меньшинстве – соотношение сил между протестантами и католиками станет таким же, как во времена, когда это привело к Тридцатилетней войне, а это распад Германской империи... Встает вопрос, нужно ли Германскому Рейху ввергать себя в такое ужасное состояние, если сегодня он находится в хорошем равновесии, является сильным и могущественным. В интересах сохранения могущественной Германии на этот вопрос надо ответить, безусловно, отрицательно. Заключение таково, что Австрийскую империю необходимо сохранить любой ценой»⁴⁹. То есть Австро-Венгерскую империю следует сохранить даже ценой возможной войны с Россией. Как только это было заявлено (а заявлено это было весьма недвусмысленно, хотя и не в явной форме), возникновение большой войны стало лишь делом времени.*

Что касается Британской империи, то это, безусловно, тема отдельного разговора, так как статус мировой державы, каковым Британия обладала по крайней мере до начала Второй мировой войны, обязывает к более детальному анализу. Слишком многое зависело от тех решений, которые принимались на берегах Туманного Альбиона. Можно с большой долей вероятности

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Джолл Д. Указ. соч. С. 104–105.

⁴⁹ Там же. С. 103.

предположить, что именно эти решения и носили определяющий характер. Тезис, безусловно, дискуссионный. Попытаемся проанализировать все «за» и «против».

1.4. Политические усилия Британской империи перед Первой мировой войной

То, что одним из главных направлений британской внешней политики было недопущение усиления России, никогда не скрывалось. Правда, особо и не афишировалось. Эту линию Англия проводила настойчиво и последовательно, что не отменяло наличие между нашими странами торговых и иных связей, основанных на различных соглашениях.

Соглашение о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке, подписанное в Петербурге 18 (31) августа 1907 г. министром иностранных дел Российской империи А. П. Извольским и британским послом А. Николсоном, – одно из них⁵⁰.

Опасаясь усиления германской военной мощи, Россия и Британия были озабочены поиском союзников. Тем не менее в тексте соглашения ни слова не говорилось собственно о Германии. Оно вообще не касалось европейских дел. Речь шла исключительно об урегулировании русско-британских противоречий в Азии. Примерно такое же соглашение было заключено с Французской республикой тремя годами ранее. Только там речь шла об Африке. То есть никаких взаимобязывающих документов со своими союзниками Британия не подписывала. И это при том, что основные акторы европейской политики такие соглашения со своими союзниками имели, а значит, в случае возникновения *casus belli* их действия автоматически принимали безальтернативный характер. Учитывая балканский фактор, Европа, по сути, превращалась в пороховую бочку. Достаточно было одной искры.

Если условия для активации процесса созданы, то процесс будет активирован – так или иначе. То, что они (условия) возникли не сами по себе, даже доказывать не нужно. Тем не менее попытаемся этот тезис аргументировать.

Насколько случайными были роковые выстрелы в Сараеве, не суть важно. Поводов для войны между Австро-Венгрией и Сербией и без того было более чем достаточно. Но конфликт между двумя государствами, находящимися в узловой точке общеевропейских противоречий, не может являться исключительно их частным делом. В него автоматически вовлекались Россия, Германия и Франция. Возможно, Италия и Болгария. Более чем вероятно, Турция. В принципе, уже достаточно. Но даже и в этом случае конфликт не выходил за рамки локального, ибо каждая из стран-участниц, невзирая на тексты договоров, конвенций и соглашений, решала бы свои задачи, исходя из своих интересов. Коалиционная конфигурация при данном построении отнюдь не бесспорна. В явном виде она просматривается только в отношении германо-австрийского и франко-русского блоков. Остальные участники, что называется, были вольны в выборе.

Однако включение в конфликт Британской империи меняют картину в корне, автоматически переводя его на глобальный уровень. И дело даже не в том, что вместе с Британией в войну вступили все ее доминионы, хотя и это немаловажно. Главным было то, что сам факт участия в войне Британии четко конфигурировал коалиционное построение стран-участниц строго определенным образом. Однако обо всем по порядку.

Уникальность положения Британской империи определялась одной фразой – «блестящая изоляция». Авторство этого выражения приписывается различным лицам. Но свою популярность оно приобрело после того, как лорд Солсбери употребил его в своей речи на традиционном банкете лорд-мэра лондонского Сити 9 ноября 1896 г.⁵¹ Правда, речь он вел о «блестящем одиночестве», в котором пребывает британский народ и с высоты которого может взвешивать

---

⁵⁰ Русско-Английское соглашение 1807 г. // Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 3. М., 1973. С. 78–79.

⁵¹ «Блестящая изоляция» // Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 1971. С. 213.

вать те или иные обстоятельства, чего не могут себе позволить другие⁵². В дальнейшем термин трансформировался в «блестящую изоляцию» (*Splendid Isolation*) и стал употребляться исключительно в политическом смысле. Буквально это – «английская дипломатическая доктрина второй половины XIX в., характеризующаяся воздержанием от всяких заблаговременных и длительных союзов с другими державами и сохранением полной свободы действия с целью добиться гегемонии в европейской и мировой политике»⁵³.

Считается, что данная доктрина «дала трещину» в 1902 г., когда Британская империя заключила союз с Японией против России. Окончание политики изоляционизма относят к моменту заключения соглашения с Францией в 1904 г. Аналогичное соглашение с Россией в 1907 г. оформило союз трех великих держав – Антанту. Но строго с юридической точки зрения никакого союза не было. Разграничение сфер влияния на Среднем Востоке и в Африке никоим образом не обязывало Британскую империю к каким-либо решительным действиям на Европейском континенте в случае возникновения войны. Англия по-прежнему оставляла за собой право на свободу действий в зависимости от ситуации. Впрочем, внимательных наблюдателей этот политический маневр обмануть не мог. В. И. Ленин англо-русское соглашение 1907 г. охарактеризовал однозначно: «*Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)*»⁵⁴.

Пожалуй, отдельно стоит рассмотреть вопрос о статусе Бельгии, нейтралитет которой был нарушен Германией в начале военных действий в 1914 г. Именно это было использовано Британской империей как повод для объявления войны Германии. Однако маловероятно, что Англия взяла на себя настолько серьезные обязательства, что ее действия носили безальтернативный характер. Вот что по этому поводу в книге «Германский генеральный штаб», изданной в нашей стране в 1922 г., пишет Ганс Куль: «*12 декабря 1909 г. бельгийский министр иностранных дел де Фаверо⁵⁵, в связи с обсуждением нового военного закона в сенате, уверял, что на основании дипломатических актов, которые ему пришлось видеть за время службы (с 1906 по 1909 г.), он пришел к заключению, что договор о нейтралитете Бельгии представлял в то время «не имевший никакой цены клочок бумаги». Возникновение новой германско-французской войны представило бы для бельгийского нейтралитета серьезную угрозу, а именно со стороны Франции, так как впоследствии она была сильно заинтересована с военной точки зрения в том, чтобы провести свои войска на германскую территорию через Бельгию. В этом случае из военных держав, подписавших договор о бельгийском нейтралитете, оставалась бы только одна Англия, которая в 1870 г. защищала бельгийский нейтралитет: на этот раз она такой роли на себя не взяла бы, вследствие своей дружбы к Франции и ненависти к Германии, тем более что она не захотела бы мешать ничему, что могло бы подвергнуть Германию опасности. Де Фаверо советовал поэтому обнародовать договор о нейтралитете и заключить открытый договор с одной из соседних великих держав для защиты самостоятельности. В одной из опубликованных в 1913 г. против воли правительства статей военной академии встречается фраза: «Французский главнокомандующий требует, согласно достигнутых соглашений, от бельгийского командования совместных действий против германской армии». На основании таких сведений мы в Г.Ш. приходили все больше к тому заключению, что бельгийцы от своего нейтралитета уже давно отказались... Насколько мы были правы, было впоследствии доказано найденными в архиве бельгийского Г.Ш. материалами. Соответствующие*

⁵² Имеется в виду позиция Австро-Венгрии и России по армянскому вопросу и их отказ поддержать выступление против Турции.

⁵³ «Блестящая изоляция» // Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 1971. С. 213.

⁵⁴ Ленин В. И. Тетради по империализму // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 28. С. 669.

⁵⁵ В 1909 г. де Фаверо уже не был министром иностранных дел Бельгии, передав свой пост в 1907 г. Жюльену Давиньону, который занимал его до 1916 г.

документы были озаглавлены: «Англо-бельгийские соглашения». Они доказывают, что операции на территории Бельгии были тщательно разработаны уже много лет тому назад»⁵⁶.

Получается, что нейтралитет Бельгии соблюдать вообще никто не собирался, включая самих бельгийцев. То есть если бы Британия под каким-либо предлогом высадила свои войска в Бельгии, скажем, для того, чтобы воспрепятствовать аналогичным действиям Германии, то этого никто бы не заметил. Разумеется, история не знает сослагательного наклонения, но предположить-то мы имеем право, тем более что несколько позднее, в 1940 г., по отношению к Исландии, являвшейся тогда частью суверенной и нейтральной Норвегии, именно это и было сделано. И именно с такой формулировкой. Но к событиям 1940 г. мы еще вернемся.

То же самое, учитывая точку зрения Г. Куля, касается и Франции. Получается, что действия Германии носили безальтернативный характер. Как-то не увязывается безальтернативность с репутацией поджигателя мирового конфликта.

Безусловно, Германия сознательно шла на обострение отношений с потенциальными противниками, так как уступки, по мнению германской элиты, шли вразрез с обеспечением национальной безопасности. Также не вызывает сомнений тот факт, что решение проблем, связанных с обеспечением германских национальных интересов, входило в антагонистические противоречия по целому комплексу вопросов с интересами основных игроков на европейском (и не только) пространстве. В первую очередь с интересами Британской и Российской империй. И уж совершенно не требует доказательства тот факт, что Германия ни секунды не сомневалась, в союзе с кем и против кого будет направлено германское оружие. А кто, кроме Италии и Румынии, стремившихся включиться в конфликт на стороне сильного, сомневался? Для всех, включая малые страны Европы, Сербию, Болгарию, все было предельно ясно.

Следовательно, необходим был только повод, причем такой, чтобы никто не смог увильнуть. Конфликт должен был быть инициирован в ключевой точке геополитического пространства и затрагивать жизненно важные интересы всех без исключения игроков. Инцидент в Сараеве и стал таким поводом. Убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и последовавшие затем события не оставляли никому из участников конфликта никакого выбора. Никому, кроме Британской империи. Ее жизненно важные интересы затронуты не были. Соглашения с Францией и Россией *de jure* ни к чему конкретно не обязывали. Следовательно, для того, чтобы ввязаться в конфликт, помимо повода, достаточного для всех остальных, необходима была еще и причина, значимая именно для Англии. Такой причиной и стал бельгийский нейтралитет, фактически нарушенный Германией.

Однако не стоит забывать, что причина для развязывания конфликта была необходима не только Британии. Ввергать себя в войну в самоубийственной конфигурации не хотел никто, и Германская империя меньше всех. При всей эксцентричности германского монарха, которую отмечают многие современники, в элите Второго рейха было достаточно здравомыслящих людей. И среди политиков, и среди военных. Следовательно, недвусмысленная декларация неопременного вступления в конфликт Англии и России могла существенно повлиять на принятие роковых решений. Причем голос Англии, безусловно, был определяющим. Разумеется, данный тезис весьма спорен, но не будем торопиться с выводами. Вот некоторые выдержки из второго тома труда «История дипломатии»: «Когда в 1911 г., в момент агадирского кризиса»⁵⁷, возникла угроза общеевропейской войны, английское правительство публично – устами канцлера казначейства Ллойд Джорджа – и в секретно-дипломатическом порядке – через самого Грея – предупредило Германию, что Англия выступит на стороне Франции. И Германия ретировалась. Совершенно так же обстояло дело и в конце 1912 г.: заявление Англии,

---

⁵⁶ Куль Г. Германский генеральный штаб. М.: Гиз, 1922. С. 41–42. URL: <http://militera.lib.ru/h/kuhl/index.html?ysclid=Iffc8n6jet185133609>.

⁵⁷ Имеется в виду второй марокканский кризис 1911 г., вызванный оккупацией французскими войсками столицы Марокко г. Фец, и ответный демарш Германской империи.

что она не останется нейтральной, вызвало умеряющее воздействие Германии на Австро-Венгрию... Этот опыт подсказывал, что именно следовало сделать летом 1914 г., если Грей хотел спасти мир. Надо было рассеять в Берлине иллюзию, что Англия останется нейтральной в надвигающейся европейской войне. Сделать это было тем более необходимо, что английская дипломатия в течение 1913–1914 гг. поддерживала в Берлине надежду на британский нейтралитет»⁵⁸.

На самом деле сделано было все с точностью до наоборот. Министр иностранных дел Британской империи сэр Э. Грей не только в уклончивых выражениях укрепил мнение Германии в нейтралитете Англии, но и заверил германского посла в том, что сделает все возможное для того, чтобы удержать от резких движений Россию. «6 июля 1914 г., на другой день после свидания Вильгельма с Сегени в Потсдаме, Грей виделся с германским послом князем Лихновским. Посол сообщил Грею о глубоком удовлетворении, которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Кильскую гавань. Поговорив немного о пустяках, Лихновский принялся зондировать Грея насчет позиции, которую займет Англия в надвигающихся международных осложнениях. С этой целью он заявил Грею, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. «Они, конечно, при этом не думают захватить какую-либо территорию?» – спросил Лихновского Грей. Лихновский заверил, будто цель Австрии заключается вовсе не в территориальных аннексиях. Затем он довольно откровенно разъяснил позицию Германии. Если Германия откажет Австрии в помощи, Австрия будет недовольна. Если она поддержит Австрию, – возможны серьезные осложнения с Россией. Посла особенно беспокоило, что, если между Англией и Россией ведутся какие-то переговоры о морской конвенции, это может поощрить Россию на сопротивление Австрии. Грей убеждал Лихновского в миролюбии России. Если же осложнения все-таки надвинутся, то он обещал сделать все, чтобы «предотвратить грозу»⁵⁹.

Можно было бы предположить, что Грей и в самом деле желал мира и был вполне искренен в своих намерениях, если бы не одно «но». России говорилось прямо противоположное. «Через два дня, 8 июля, Грей беседовал с русским послом Бенкендорфом. Он обрисовал ему всю серьезность положения. Когда Бенкендорф попробовал изобразить ситуацию в менее тревожном свете, Грей возражал. Он настаивал на вероятности австрийского выступления и всячески подчеркивал враждебность Германии к России... 9 июля состоялась новая встреча Грея с Лихновским, вторая после убийства эрцгерцога. Английский министр снова говорил о миролюбивом настроении России и заверил, что Англия, не связанная с Россией и Францией какими-либо союзными обязательствами, располагает полной свободой действий»⁶⁰.

Ну и в качестве «вишенки на торте». «23 июля, в день вручения ультиматума, в первый раз за все время кризиса, английский министр встретился с австрийским послом. В Лондоне хорошо знали, какой провокационный документ подготовили австрийцы для Сербии. Накануне вручения ультиматума, 22 июля, «Times» довольно точно изложила его содержание. Конечно, не хуже редакции газеты знал его и Грей. Да и Менсдорф сообщил Грею основные пункты австрийской ноты. И тем не менее при встрече с графом Менсдорфом Грей удовлетворялся сожалением, что предъявленная нота с ограниченным сроком для ответа; он отказался обсуждать ее по существу, пока не увидит документ воочию. Затем он стал распространяться об ущербе, который нанесет торговле война между **четырьмя** великими державами: Россией, Австрией, Францией и Германией. О возможности участия пятой державы, Англии, Грей не обмолвился ни словом... Донесение о беседе с Греем Менсдорф заключил следующими

---

⁵⁸ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 250.

⁵⁹ Там же. С. 250–251.

⁶⁰ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 250–251.

словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам»⁶¹.

Создается устойчивое впечатление заботливо расставляемых ловушек. Каждому из потенциальных участников надвигающегося конфликта говорится ровно то и ровно столько, чтобы возможности «отыграть назад» не было ни у кого. Несомненным является тот факт, что Германия к войне была готова лучше, чем Россия и Франция. Именно эта уверенность и поощрялась британской дипломатией. Немцев устраивал даже временный нейтралитет Британской империи. Несколько недель, по мнению германского Генерального штаба, должно было хватить для разгрома Франции.

России и Франции демонстрировалась совершенно иная позиция. Это прямо видно из доклада российского посла в Лондоне Бенкендорфа министру иностранных дел Сазонову: «Хотя я не могу представить вам никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка»⁶².

Выступление Англии на стороне Антанты в корне меняло ситуацию. Германия явно не была готова к подобному развитию событий. Яркой тому иллюстрацией может послужить реакция Вильгельма II на заявление Грея послу Германии в Лондоне Лихновскому, сделанное на следующий день после открытия Австро-Венгрией военных действий против Сербии, то есть 29 июля 1914 г., о том, что Британская империя не останется в стороне. Получив доклад посла, Вильгельм II пришел в неистовство: «Англия открывает свои карты в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом»⁶³: «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше». Грей определенно знает, – продолжал кайзер, – что стоит ему только произнести одно серьезное предупреждающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!»⁶⁴

Действительно, свои истинные намерения Англия скрывала до последнего момента, когда деваться уже было некуда. «... С английской точки зрения момент для войны был не так уж неблагоприятен. «Ни разу в течение трех последних лет мы не были так хорошо подготовлены»⁶⁵, – заявляет У. Черчилль, занимавший в кабинете Г. Асквита пост первого лорда Адмиралтейства. В последующем ситуация могла измениться. Ни Россия, ни Германия не стояли на месте. Балканские страны вновь могли вцепиться друг в друга, уведя тем самым «обсуждение в сторону от основной темы». Да и такого блестящего повода, как убийство наследника австро-венгерского престола, могло больше не подвернуться. Правда, следовало сломить сопротивление пацифистов в кабинете министров, что было весьма непросто.

Британский кабинет министров приступил к обсуждению международного положения только 27 июля 1914 г. Впервые после начала кризиса, что говорит о многом.

Грей начал свой доклад с чтения телеграммы посла в Петербурге Бьюкенена, в которой сообщалось, что в случае войны Сазонов рассчитывает на военную поддержку Англии. «Наступила минута, – заключил Грей, – когда кабинет министров должен вынести опреде-

---

⁶¹ Там же. С. 252.

⁶² Цит. по: История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 256.

⁶³ Имеется в виду беседа, состоявшаяся между королем Георгом V и братом кайзера Вильгельма принцем Генрихом Прусским 26 июля 1914 г., в которой король заверил германского принца в приверженности Британии к нейтралитету.

⁶⁴ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 257.

⁶⁵ Цит. по: История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 252, 261–262.

ленное решение, примет ли Англия активное участие в общеевропейском вопросе рядом с другими державами Антанты, или же останется в стороне и сохранит абсолютный нейтралитет. Грей предупредил, что, если кабинет министров выскажется за нейтралитет, он подаст в отставку. Воцарилось молчание. Первым нарушил его лорд Морлей (Морли)⁶⁶. Он высказался против вступления Англии в войну. Такую же позицию заняло подавляющее большинство членов кабинета – одиннадцать, считая самого лорда Морлея. Грея поддержали только трое: премьер Асквит, военный министр Холден и первый лорд Адмиралтейства Черчилль. Ллойд Джордж и еще несколько министров заняли выжидательную позицию»⁶⁷.

И в этот момент Германия сама сделала Британской империи, вернее лично сэру Эдуарду Грею, 1-му виконту Грею оф Фаллодону, и партии войны, неоценимый подарок.

Военные приготовления как в самой Бельгии, так и планы по использованию в случае необходимости ее территории и Англией, и Францией, велись практически открыто, что не могло не беспокоить германский Генеральный штаб. Удар во фланг и тыл германской армии, занятой лобовым столкновением с Францией, британскими войсками, прошедшими через территорию Бельгии, мог оказаться фатальным. Не менее фатальным был бы и охватывающий удар французов, если бы они решились (а они бы решились) использовать для этого бельгийскую территорию. Достаточно даже беглого взгляда на карту, чтобы оценить степень опасности подобного маневра для германской армии. Таким образом, вторжение германских войск в Бельгию было практически очевидным и с военной точки зрения безальтернативным. Однако германские военные и дипломаты не учли, какое значение имела Бельгия для обеспечения национальных интересов Британской империи. «Значение бельгийского побережья для безопасности Англии исстари известно было каждому англичанину. Вторжение немцев в Бельгию давало Грею и его сторонникам самый популярный предлог для вмешательства в войну»⁶⁸. Другими словами, выстрелы, прогремевшие в Сараеве, для Англии не значили ровным счетом ничего. Для вступления в войну им нужен был свой, особый повод, и Германская империя любезно его предоставила, собираясь атаковать страну, чье побережье ближе всего подходило к британскому побережью, о чем любезно сообщила Англии.

29 июля в разговоре с английским послом Гошеном Бетман со свойственной ему неуклюжестью затронул вопрос о войне против Франции и о вторжении германских войск через Бельгию. Англии предлагался нейтралитет. В обмен на это Германская империя готова была взять на себя обязательства гарантировать неприкосновенность французской и бельгийской территорий в Европе после войны. Впрочем, эти гарантии не распространялись на заморские территории Франции⁶⁹.

«Постоянный или «вечный» нейтралитет Бельгии был установлен в 1831 г. и закреплен за этим государством на Лондонской конференции в 1839 г. Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия выступили гарантами бельгийского нейтралитета, а также провозгласили себя защитниками целостности и неприкосновенности территории Бельгии»⁷⁰.

«К началу XX в. нейтралитет Бельгии был слабой гарантией безопасности этого государства. Он уже не имел той международно-правовой силы, которую вкладывали в него участники Лондонских конференций 1830-х гг. Соблюдение бельгийского нейтралитета являлось скорее вопросом доверия между державами. Обострение международных противоречий в предвоенное десятилетие давало повод предполагать, а сегодня и утверждать, что принцип нейтралитета в создавшихся условиях не мог противостоять принципам стратегической

⁶⁶ Джон Морли, 1-й виконт Морли Блэкберна. Член палаты лордов. С 1910 по 1914 г. – лорд-президент Совета.

⁶⁷ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 262.

⁶⁸ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 265.

⁶⁹ Там же. С. 263.

⁷⁰ Севрюкова А. О. Бельгийский нейтралитет накануне и во время Первой мировой войны. Дис... канд. ист. наук. М., 2003. С. 3.

необходимости. В связи с этим положение Бельгии как нейтральной державы было неустойчивым, и нарушение в августе 1914 г. ее нейтралитета, хотя и ставшее громким прецедентом – примером нарушения международной морали Германией, не было неожиданным»⁷¹.

Более того, сама Англия не собиралась соблюдать нейтралитет Бельгии. Телеграмма Гошена о разговоре с Бетманом пришла в Лондон утром 30 июля. Разумеется, Грей ответил отказом.

«31 июля Грей запросил Берлин и Париж, будут ли они соблюдать нейтралитет Бельгии. Камбон⁷² дал самые категорические заверения, а Лихновский попытался парировать вопрос Грея, в свою очередь спросив его, обязуется ли Англия соблюдать нейтралитет, если Германия обещает не нарушать нейтралитет Бельгии. Грей отказался дать такое обязательство»⁷³.

Здесь еще раз необходимо обратить внимание на неуклюжесть германской дипломатии. О чем спросил Лихновский? О каком нейтралитете? Бельгии? Англии? Ответ Грея был вполне предсказуем: мол, понимай как хочешь. И Германия расценила этот ответ также вполне предсказуемо. А что им было делать? Планы по использованию бельгийской территории как Англией, так и Францией, разумеется, «исключительно для защиты нейтралитета Бельгии» действительно существовали. И игнорировать возможность вторжения двухсоттысячного британского экспедиционного корпуса через Бельгию немцы не могли. И приняли меры. Бельгия тотчас запросила военной помощи Англии, формально не нарушая условий нейтралитета, но фактически предоставив свою территорию для ведения военных действий.

Таким образом, британская дипломатия сделала все возможное, чтобы европейский конфликт стал реальностью.

1.5. Начало войны, или Кто кого подставил

Справедливости ради следует заметить, что войны жаждали далеко не все, включая и саму Англию. Ярчайшее тому подтверждение – голосование в кабинете министров 27 июля 1914 г. Но партия войны была сильна. И не только в Англии. Слишком много глобальных противоречий предстояло решить. Какой уж тут мир!

«25 июля, в назначенный срок, сербский премьер Никола Пашич привез послу Австро-Венгрии барону Гизлю ответ сербского правительства на ультиматум. Сербия не отклоняла наотрез провокационных требований Вены. Хотя и с оговорками, она принимала девять пунктов австрийского ультиматума»⁷⁴. Только с одним сербы были категорически не согласны: допустить к расследованию заговора на жизнь эрцгерцога австрийских следователей означало нарушить собственную конституцию и закон об уголовном судопроизводстве. Разумеется, это было недопустимо. *«Барон Гизль⁷⁵ бегло просмотрел ответ. Убедившись в том, что сербы чего-то не принимают, он немедленно затребовал паспорта. В тот же вечер австро-венгерская миссия покинула Белград»⁷⁶.*

Франция желала взять реванш за унижение во Франко-прусской войне и решить в свою пользу давний спор за Эльзас и Лотарингию. При этом французское правительство желало переложить ответственность за начало войны на самих немцев⁷⁷. Учитывая нетерпение Берлина, это было не сложно.

⁷¹ Севрюкова А. О. Указ. соч. С. 233.

⁷² Пьер Поль Камбон – посол Франции в Британской империи с 1898 по 1920 г.

⁷³ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 262–263.

⁷⁴ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 254.

⁷⁵ Владимир Рудольф Карл Фрайхерр Гизль фон Гизлинген. Австро-венгерский генерал и дипломат.

⁷⁶ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 254–255.

⁷⁷ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 263.

«30 июля 1914 г. французские войска были отведены на десять километров от границы, тщательно стараясь предупредить пограничные инциденты, которые могли дать немцам повод для открытия военных действий. Уже 31 июля, одновременно с предъявлением в Петербурге требования прекратить мобилизацию, германским послом в Париже была вручена нота французскому министру иностранных дел»⁷⁸. Германскую сторону интересовал вопрос: будет ли Франция соблюдать нейтралитет? Для ответа был дан срок 18 часов. В случае утвердительного ответа должны были поступить дополнительные, заведомо невыполнимые требования. Но ответ Франции был однозначным: 1 августа Пуанкаре отдал приказ о мобилизации.

В Российской империи также не было полного согласия в вопросе вступления в войну. Император Николай II колебался. Даже решив поддержать Сербию, русское правительство чувствовало себя неуверенно. Основания к этому были серьезные: реорганизация русской армии не завершена, позиция Англии оставалась не вполне ясной.

«29 июля германский посол Пурталес пришел к Сазонову и прочел ему телеграмму Бетмана: тот требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии придется объявить мобилизацию, что может привести к войне. «Теперь у меня нет больше сомнений относительно австрийской непримиримости», – бросил Сазонов Пурталесу, выслушав текст телеграммы. «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения», – вскричал Пурталес. Собеседники расстались весьма холодно»⁷⁹. Германская сторона протестовала, в весьма грубой форме, против мобилизации четырех военных округов, объявленной в качестве превентивной меры 24 июля, после вручения ультиматума Сербии. Однако добилась прямо противоположного: 29 июля, по настоянию начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Н. Я. Янушкевича, Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. Но и это было не окончательное решение. В ответ на телеграмму кайзера Вильгельма II от 31 июля 1914 г., полученную в Петергофе в 5 ч. 35 мин.⁸⁰, Николай приостановил рассылку указа. Потребовалось экстренное вмешательство Сазонова. Сазонов условился с генералом Янушкевичем, что если удастся убедить государя, то он позвонит сразу из Петергофского дворца. «После этого, – заявил Янушкевич, – я уйду из дома, сломаю свой телефон, вообще сделаю так, чтобы меня уже нельзя было разыскать для новой отмены общей мобилизации»⁸¹.

В конце концов Сазонову удалось убедить Николая в необходимости решительных мер, так как войны все равно избежать не удастся. После он позвонил начальнику Генерального штаба и сообщил о санкции царя. *«Теперь вы можете сломать свой телефон», – добавил он⁸². 31 июля высочайший указ стал достоянием гласности. 1 августа к мобилизации приступила Германская империя.*

В этот же день, вечером, германский посол снова прибыл к Сазонову. Он поинтересовался, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на германскую ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно. Граф Пурталес трижды повторил свой вопрос. *«Я не могу дать вам иной ответ», – повторил Сазонов. «В таком случае, – произнес Пурталес, задыхаясь от волнения, – я должен вручить вам эту ноту». С этими словами он передал Сазонову бумагу. Это была нота, или, точнее, целых две ноты, с объявлением войны. Бетман прислал два варианта объявления войны, в зависимости от возможных*

⁷⁸ Там же. С. 263–264.

⁷⁹ Там же. С. 259.

⁸⁰ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 // Вильгельм II. Мемуары. События и люди, 1878–1918; Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894–1914; *Отто Бисмарк. Вильгельм II: воспоминания и мысли* / Пер. с нем. М.: ГПИБ России, 2007. С. 460.

⁸¹ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 260.

⁸² Там же. С. 261.

вариантов ответа Сазонова, а Пурталес, разволновавшись, отдал оба документа зараз»⁸³. То есть война должна была начаться в любом случае, но Германия очень хотела снять с себя вину за первый выстрел.

Бытует легенда, вернее, некий политический апокриф, согласно которому ни Вильгельм, ни Николай не хотели воевать друг против друга, но обстоятельства оказались сильнее и они начали войну едва ли не со слезами на глазах. В доказательство приводятся телеграммы, которыми монархи обменялись накануне войны и буквально умоляли друг друга: «Вили! Не наступай!» И в ответ: «Ники, отмени мобилизацию!» К сожалению, реальность оказалась гораздо более жестокой и прагматичной. Будет нелишним привести подлинный текст телеграмм, которые действительно имели место.

Телеграмма Николая II

Я получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал бы тебе, т. е. что эти военные приготовления не означают войны и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для нас всех. Наша долго испытанная дружба должна с Божьей помощью предотвратить кровопролитие.

С нетерпением жду твоего ответа.

Ники

Петергоф, 19 июля (1 августа по новому стилю. – В.Л.) 1914 г.⁸⁴

Телеграмма Вильгельма II

Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от своего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был вынужден мобилизовать свою армию. Немедленный утвердительный, ясный и точный ответ от твоего правительства – единственный путь избежать многочисленные бедствия. До получения этого ответа я не могу обсуждать вопроса, поставленного твоей телеграммой. Во всяком случае я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам ни в коем случае не переходить нашей границы.

Вильгельм

Подана в Берлине 1 августа 1914 г. 10 ч. 55 мин. вечера

Получена в Петергофе 20 июля (2 августа по новому стилю) 1 ч. 15 мин. ночи⁸⁵.

Казалось бы, легенда верна. Только текст немного другой. Без сантиментов. И требования германского императора вполне обоснованны. Все так, если бы не одно «НО»! На подлиннике рукой Николая II написано карандашом: «Получено после объявления войны»⁸⁶.

1.6. Закулисные игры союзников по Антанте

С включением в конфликт Англии ситуация перешла на качественно новый уровень, сделав европейскую войну мировой.

Причины Первой мировой войны, лежащие на поверхности, изучены достаточно полно и основательно. По этому поводу написаны тысячи самых авторитетных исследований. Обна-

---

⁸³ Там же. С. 260.

⁸⁴ Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 461–462.

⁸⁵ Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 462.

⁸⁶ Там же.

родованы тысячи архивных документов, относящихся к этому периоду, и этот материал чрезвычайно ценен. Но были причины и не вполне очевидные.

Дело в том, что передел уже поделенного мира, являясь достаточным поводом к войне как таковой, вовсе недостаточен для перевода ее на глобальный уровень. Так ли уж нужно было кайзеровской Германии мировое господство? Во все нет. Германия претендовала на вхождение в клуб великих держав. Ну появилась бы еще одна колониальная империя, ну потеснились бы великие державы немного... Принципиально это ничего не меняло. Рано или поздно, а скорее всего рано, в Германской империи начались бы такие внутренние проблемы, связанные именно с бурным ростом, что им стало бы не до глобальных амбиций. В любом случае до британской мощи им было далеко. Все европейские противоречия, включая балканский узел, носили, по сути, локальный характер.

Можно допустить, что мировая война была развязана по недоразумению: мол, «не ведали, что творят». Но данный тезис не выдерживает критики уже при ближайшем рассмотрении. Еще как ведали! Очевидно, что разбор и анализ одних хитросплетений политических интриг и чаяний основных акторов процесса перед Первой мировой войной малопродуктивен. Даже если допустить, что именно Британия жаждала этой войны, то остается неясным главный вопрос: зачем? Ведь цели, декларируемые той же Британской империей, могли быть достигнуты и менее болезненным способом. Значит, были и другие цели (и, судя по всему, не только у Англии, хотя у нее в первую очередь), о которых в приличном обществе не принято говорить вслух и в которые посвящены были далеко не все ведущие политики того времени, даже если они являлись членами кабинета министров или палаты лордов. Германия действительно не претендовала на мировое господство, по крайней мере тогда. Но претендовала Британия. На пути к господству стояли две проблемы. Серьезная – Германская империя со своими колониальными амбициями, и очень серьезная – Российская империя со своей непредсказуемостью, закрытостью и непохожестью на другие европейские державы при полнейшем внешнем сходстве. Решить эти проблемы в локальном конфликте было невозможно. Нужен был глобальный передел мира. Не только в экономическом и политическом плане, но и в цивилизационном. Нужны были новые правила игры. Большой Игры! И ведь все получилось. Правда, проблемы остались. Для их решения понадобился еще один глобальный конфликт.

Нет необходимости описывать ход военных действий в период Первой мировой войны. Он достаточно изучен во всех подробностях. Однако интересен один факт. Россия по первому требованию союзников приходила к ним на помощь. Собственно говоря, именно русскому оружию Франция обязана тем, что не была разгромлена уже в первую неделю военных действий. Да и на завершающем этапе войны именно штыки русского экспедиционного корпуса спасли Париж. Однако все просьбы к союзникам оказать аналогичную помощь России оставались без ответа. Наиболее ярко это проявилось в кампании 1915 г. Зато очень действенную «помощь» союзники оказали в 1916 г., сразу после Брусиловского прорыва. По настоятельной рекомендации британской дипломатии Румыния вступила в войну на стороне России. От этого удара Российская империя так и не смогла оправиться.

Вопрос вступления Румынии в войну заслуживает того, чтобы рассмотреть его отдельно. Генерал от инфантерии А. М. Зайончковский, в 1916 г. командовавший русско-румынской Добруджанской армией⁸⁷, впоследствии писал: *«Союз Румынии с Антантой представлял большие выгоды при условии использования его в активных целях. Он открывал две наступательные перспективы. Совместными действиями от Салоник и из Добруджи Антанта могла вывести из строя враждебной коалиции первоначально Болгарию, а потом и Турцию. Но этот проект был отклонен западными державами. Была и другая возможность. Граница с Румы-*

---

⁸⁷ Прямыцын В. Н., Чертов В. В. «На нас ложится обязанность сохранить Румынию». Русские армия и флот в румынской кампании 1916–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 4–12.

нией открывала через Трансильванию фланг укрепленной позиции австро-германцев и кратчайшие пути на Вену... Заблаговременное сосредоточение русских войск на левом фланге 9-й армии (о сроке выступления Румынии было определено известно с половины июля) и быстрое наступление их тотчас же после объявления Румынией войны по ее территории в обход австрийских позиций могло сильно затруднить положение Центральных держав на востоке. Но Антанты отказалась и от этого способа. Она остановилась на третьем, предоставив Румынии самой атаковать в Трансильвании и только усилив ее слабым русским корпусом в Добрудже»⁸⁸. И далее: «Русское командование стояло за то, чтобы совместными действиями румын, союзной салоницкой армии и русского вспомогательного отряда вывести сначала из строя Болгарию, после чего Трансильванский театр, угрожаемый с севера русскими, а с юга – соединенной массой салоницкой и румынской армий, падет сам собой. Для этого требовались усиление салоницкой армии и решительное наступление ее для угрозы тылу болгар, действовавших против румын. Но на такое усиление не соглашались западные державы»⁸⁹. Союзное командование выступило категорически против такого плана. Все возражения и доводы русского Генштаба и Ставки игнорировались. В конечном счете возобладала точка зрения союзников. Румынии было предоставлена полная свобода действий в Трансильвании. К чему это привело – известно. «28 августа 1916 г. Румыния объявила Австрии войну. Но уже 10 октября в русскую Ставку прибыли уполномоченные румынского короля, буквально молившие о помощи. России пришлось взять на себя румынский фронт. Зато союзная Салоницкая армия даже не шелохнулась, не оказав румынам какой-либо помощи»⁹⁰. Другими словами, был реализован самый бесполезный и губительный для русской армии вариант.

Любопытный факт. Британский премьер-министр тех лет Дэвид Ллойд Джордж (1916–1922) писал: «Из всех захоластий самым важным оказался презираемый всеми Салоницкий фронт. Именно здесь произошла та смертельная схватка с Центральными державами, которая окончательно сломала их сопротивляемость и в конце концов заставила отбросить все надежды на успешное продолжение войны. Балканы – задняя дверь Центральной Европы, и, когда мы взломали эту дверь, мы увидели конец войны»⁹¹.

То есть наступление Салоницкой армии все же состоялось. Оно началось 15 сентября 1918 г., когда Россия была уже «вне игры». Очевидно, что «союзники» не собирались способствовать усилению Российской империи на Балканах (а в случае успеха операции, проведенной по «русскому сценарию», произошло бы именно это). Да и в стане победителей Россию не ждали.

Да и с чего бы! Так, ставший президентом в 1912 г. Вудро Вильсон полагал, что «... возвышение Российской империи (в случае разгрома Германии) в Европе создаст абсолютно неприемлемую обстановку дисбаланса во всем регионе. Его раздражал опрометчиво ведущий себя Лондон, позволивший втянуть себя в войну с Германией и Австро-Венгрией и забывший о задачах сдерживания России»⁹².

«В марте 1915 г. в авторитетном журнале «The Outlook», в котором безраздельно господствовали взгляды Теодора Рузвельта, появилась статья Джорджа Кеннана (гуру американской журналистики по русскому вопросу. – В.Л.) «Русский мужик»... Он писал: «Независимо от исхода идущей войны, страной, чья судьба и чьи отношения с остальным миром будут в наибольшей степени ею затронуты, станет Россия. Если она окажется победительницей в этой

⁸⁸ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 595–596.

⁸⁹ Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 597.

⁹⁰ История дипломатии. В 3 т. Т. 2. М., 1945. С. 286.

⁹¹ Цит. по: Самсонов А. Битва при Добро Поле. Болгарская катастрофа // Военное обозрение. 14 сентября 2018. URL: <https://topwar.ru/146968-bitva-pri-dobro-pole-bolgarskaja-katastrofa.html?ysclid=ld1zp3hycu804786567>. (Дата доступа 18.01.2023).

⁹² Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Международные отношения, 1989. С. 44–45.

страшной войне, в которую она и ее союзники были вовлечены, тогда один из следующих двух возможных результатов должен с необходимостью последовать: (1) ее народ, объединенный и в некотором смысле усилившийся в ходе войны, добьется либерализации и реформирования своих правительственных институтов или (2) царь и бюрократия извлекут из победы максимум для усиления своих позиций и престижа»⁹³.

Не вдаваясь в подробности его рассуждений, весьма толковых, нужно заметить, обратим внимание на вывод: «... антицаристские настроения во внутренней жизни России заслуживают поддержки, но менее всего желателен победоносный выход самодержавия из военного лихолетья, что могло бы означать рост имперских амбиций России со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁹⁴.

Вот теперь действительно все понятно. После устранения Российской империи с игрового пространства дальнейшее продолжение войны теряло всякий смысл. И Германия подписала капитуляцию. Не под Берлином, а в 50 километрах от Парижа, продолжая при этом удерживать значительную часть территории противника. Так и хочется спросить: «А так бывает?» Разумеется. Ведь одна из главных целей войны достигнута. По крайней мере, это следует из фразы, сказанной Ллойд Джорджем, когда он узнал об отречении Николая II от престола: «Одна из целей войны достигнута». Остальное можно решить и за столом переговоров. Но как остановить войну? Это ведь не взводу солдат скомандовать: «Взвод! Стой!» Да и то команда может быть выполнена не мгновенно, если солдаты недостаточно обучены. А здесь сошлись в бою миллионные армии. Тем не менее война была остановлена практически мгновенно. Для лучшего понимания этого парадоксального факта сделаем небольшой экскурс в историю.

В данном случае речь идет о J. Henry Schroder Banking Company – британской многонациональной инвестиционной компании по управлению активами, основанной в 1804 г. В 1900 г. создан ее лондонский филиал. Рассмотрим несколько фактов, приведенных в книге Ю. Муллинса «Секреты Федеральной резервной системы», изданной в США в 1952 г.

«Во время Первой мировой войны J. Henry Schroder Banking Company играет важную роль за кулисами. Ни один историк не способен дать разумное объяснение того, как мировая война началась. Эрцгерцог Фердинанд был убит в Сараево Гаврилом Принципом, Австрия потребовала извинений от Сербии, Сербия послала ноту с извинениями... Несмотря на это, Австрия объявила войну, и вскоре другие государства Европы вступили в бой. После того как война началась, стало ясно, что ее было не просто продолжать... Главная проблема состояла в том, что Германия испытывала острую нехватку продовольствия и угля, а без Германии война не могла продолжаться. Джон Хэмилл в книге «Странная карьера г-на Гувера» объясняет, как эта проблема была решена. Он цитирует из газеты Norddeutsche Allgemeine Zeitung от 4 марта 1915 года: «Справедливость, однако, требует, чтобы роль, которую сыграли немецкие представители в Бельгии в решении этой проблемы, стала достоянием обществу»⁹⁵... Инициатива исходила от них, и этот вопрос был решен только из-за их непрерывных отношений с Американским комитетом помощи (American Relief Committee)». Хэмилл отмечает: «Целью Бельгийского комитета помощи было снабжать Германию продуктами питания»⁹⁶. И далее: «Бельгийская комиссия помощи была организована Эмилем Франки, директором крупного бельгийского банка, Societe Generale, и лондонским толкачом горного дела, американцем по имени Герберт Гувер, который был связан с Франки в ряде скандальных судебных дел, в частности скандале с угольной фирмой Kaiping Coal Company

---

⁹³ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 67–68.

⁹⁴ Там же. С. 68–69.

⁹⁵ Муллинс Ю. Секреты Федеральной резервной системы. New York, 1952. С. 72.

⁹⁶ Там же.

в Китае, который, по некоторым мнениям, развязал Боксерское восстание, которое имело своей целью изгнание всех иностранных бизнесменов из Китая»⁹⁷.

То есть снабжением продовольствием германской армии во время Первой мировой войны занимался будущий президент США Герберт Гувер лично. Но это еще не самое любопытное в этой истории. Ю. Муллинс приводит просто невероятные факты, характеризующие закулисную игру и «неформальные связи» основных акторов процесса в момент глобального военного конфликта: *«Патриотическая британская женищина, которая заведовала небольшой больницей в Бельгии в течение нескольких лет, Эдит Кавелл, написала в Nursing Mirror в Лондоне 15 апреля 1915 года, жалуясь, что товары «бельгийской помощи» отправлялись в Германию, чтобы кормить немецкую армию... Сэр Уильям Уайзман, глава британской разведки и партнер Кипп, Лоев Сотрапу, опасался, что продолжение войны было поставлено на карту, и тайно уведомил немцев, что мисс Кавелл должна быть казнена. Немцы неохотно ее арестовали и обвинили ее в пособничестве военнопленным бежать. Обычное наказание за это преступление составляет три месяца тюремного заключения, но немцы учли требования сэра Уильяма Уайзмана и застрелили Эдит Кавелл, создав таким образом одного из главных мучеников Первой мировой войны... Отделавшись от Эдит Кавелл, операция продолжалась, хотя в 1916 году, немецкие эмиссары снова известили должностных лиц в Лондоне, что они не верят, что Германия сможет продолжать военные операции не только из-за нехватки продовольствия, но и из-за финансовых проблем. Было отправлено больше «экстренной помощи», и Германия продолжала войну до ноября 1918 года»⁹⁸.*

Вот, собственно говоря, и все. Даже особо и комментировать нечего. Войну не просто прекратили. Ее выключили, прекратив поставки продовольствия и финансирование германской армии. В продолжении уже не было никакого смысла. Ведь одна из целей достигнута. Судя по всему – главная цель, так зачем же попусту тратить ресурсы?

Но на деле не все оказалось так радужно, как представлялось в феврале 1917 г. британским кукловодам. Девять месяцев спустя в России произошла революция, в результате которой к власти пришли большевики, устранив послушное союзникам Временное правительство. Оставим за скобками политические, идеологические и ряд других аспектов, связанных с приходом к власти большевиков. Это все, разумеется, важно, но не в данном случае. Нас интересует прежде всего то, что большевикам во главе с В. И. Лениным удалось сделать невозможное: они поменяли правила Игры. Они отменили поражение России, которое казалось бесспорным и должно было привести к ее уничтожению. Победа большевиков вывела тем самым ситуацию из эволюционного тупика, куда Европа сама себя загнала, на путь хоть какого-то развития. А потом они провели посткатастрофическую сборку государства. В 1922 г. место Российской империи занял Советский Союз. Удержалась и Германия. Комбинация не сыграна. Маршал Фердинанд Фош после подписания Версальского договора 28 июня 1919 г. сказал свою знаменитую фразу: «Это не мир. Это перемирие на 20 лет». И он не ошибся.

А действительно ли мир находился в тупике? По всей видимости, да. Ведь были уже написаны фундаментальные труды О. Шпенглера, К. Маркса и ряда других мыслителей, которые недвусмысленно указывали, куда именно движется мир. Судя по всему, «хозяева денег» отнеслись к этим предостережениям более чем серьезно. И если на мгновение предположить, что Россия исчезла, то... Подобный сценарий блестяще описан в мрачной антиутопии А. Зиновьева «Глобальный человек». Но его взгляд оказался куда оптимистичнее того, с чем реально пришлось столкнуться нашему миру в первой четверти XXI в. До такого даже он не додумался. К счастью, Россия никуда не делась. А значит, надежда, что человечество не упрется в очередной тупик, все еще есть.

---

⁹⁷ Муллинс Ю. Указ. соч. С. 72–73.

⁹⁸ Там же. С. 76.

В связи с вышесказанным следует более пристально взглянуть на *проблему эволюционного тупика*, так как сегодня в научном сообществе нередко оспаривается само право данного термина на существование. Уж больно мрачные перспективы за ним вырисовываются.

Глава 2. 1917 год в истории России: трансформация глобальных проектов развития

2.1. Эволюция, революция, катастрофа: к вопросу о категориальном аппарате

В последнее время не утихают споры по поводу возможных путей развития России. Эти споры касаются не только возможного будущего, но и нашей истории, интерпретации определенных событий. Речь идет о недопустимости каких-либо революций и о примате эволюционного пути развития. Разумеется, главные баталии ведутся вокруг событий февраля и октября 1917 г. И чем ближе очередная годовщина этих событий (неважно, юбилейная дата или нет, хотя юбилей всегда выступает информационным поводом для исторических дискуссий), тем яростнее и бескомпромисснее идет борьба между представителями и выразителями различных точек зрения.

Особенно часто, в том числе и на высшем государственном уровне, говорится о том, что никакие революции нам не нужны и единственным возможным путем развития для нас является путь эволюционный.

«Российское общество должно развиваться не революционным, а эволюционным путем»⁹⁹, — заявил при посещении Музея становления демократии в современной России имени Анатолия Собчака в Санкт-Петербурге 22 февраля 2010 г. тогда премьер-министр РФ В. В. Путин. Не изменил он своего мнения и впоследствии.

12 июня 2012 г. на приеме в честь Дня России уже Президент РФ В. В. Путин заявил о необходимости эволюционного пути развития Российского государства, недопустимости решений, которые могут привести к социальным и экономическим потрясениям, а также о важности компромиссов в дискуссиях о будущем страны. *«Для такой огромной страны, как Россия, с ее многонациональным народом и сложным федеративным устройством, очевидна безусловная ценность эволюционного и поступательного развития»*, — сказал он, подчеркнув, что *«для нас неприемлемо все, что ослабляет страну, разъединяет общество»*, что *«недопустимы любые решения и шаги, способные обернуться социальными и экономическими потрясениями. Именно об этом говорит вся наша национальная историческая память»¹⁰⁰*. То же самое заявляют в Кремле и сегодня. То есть речь идет об устойчивом политическом тренде. К исторической памяти мы еще вернемся. Это действительно важный вопрос, но сейчас речь не об этом.

Еще недавно в ходу был модный термин *«устойчивое развитие»*. Сегодня о нем, слава богу, позабыли. А ведь это словосочетание, без какого-либо критического осмысления, успело стать общим местом во всех рассуждениях о развитии как таковом. Первоначально данный термин был тесно увязан с проблемами экологии, поднятыми еще «Римским клубом»¹⁰¹. По этому поводу В. Б. Павленко, в частности, пишет: *«Именно «устойчивое развитие» становится той фигурой речи, которая по мере трансформации в концепцию, а затем в стратегию,*

---

⁹⁹ Путин: российская демократия должна развиваться эволюционным путем // Вести.ру. 20 февраля 2010. URL: <https://www.vesti.ru/article/2138518>.

¹⁰⁰ Выступление на приеме в честь Дня России. 12 июня 2012 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15629>.

¹⁰¹ Крышня А. Д., Шамилева Э. Э. Деятельность Римского клуба в структуре экологического каркаса // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 7 (17). Вып. 4. 2021 г. С. 77–90. URL: http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/03/7_Крышня-77-90.pdf. См.: также: Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Йорген, Беренс Вильям В. III. Пределы роста: Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества» / Пер. с англ.; науч. ред. Д. Н. Кавтарадзе. М.: Изд-во МГУ, 1991.

используется для оправдания «широкой» трактовки экологии. Тем «наперстком», который позволяет не только опустошить карманы доверчивых зрителей, но и подорвать суверенитет и независимость крупнейших государств мира, внедряя в их внутреннюю повестку дня чуждые и чуждые, разрушительные по своей сути идеи и ценности – «общечеловеческие». Материальные, но усиленно маскируемые при этом под некий общий идеал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.